

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**РУССКО-ПОЛЬСКИЕ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ:
ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
45.03.01 Филология, профиль Отечественная филология
очной формы обучения, группы 02031307
Голиковой Марии Михайловны

Научный руководитель
д.ф.н., профессор
Алефиренко Н.Ф.

БЕЛГОРОД 2017

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1.	10
ФРАЗЕМИКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ... 10	10
КАРТИНЫ МИРА.....	10
1.1. ЯКМ как продукт этноязыкового сознания народа.....	10
1.2. Роль фразем в формировании ЯКМ.....	12
1.3. Лингвокультурная ценность фразем.....	14
1.4. Этнокультурная маркированность ФЕ.....	17
1.5. Коннотативно-стилистические характеристики ФЕ.....	24
ВЫВОДЫ.....	28
ГЛАВА 2. ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СУЩНОСТЬ ФРАЗЕМИКИ.....	31
2.1. Особенности русско-польских фразеологических параллелей.....	31
2.1.1. <i>Фразеологические эквиваленты</i>	34
2.1.2. <i>Фразеологические аналоги</i>	36
2.1.3. <i>Безэквивалентные ФЕ</i>	42
2.2. Особенности авторского употребления ФЕ в текстах.....	45
2.3. Свойства русско-польских фразеосемантических полей.....	49
2.4. Лингвокультурная ценность ФЕ.....	57
2.4.1. <i>ФЕ, связанные с мифологическими и библейскими сюжетами</i>	58
2.4.2. <i>ФЕ с теонимами и демонидами</i>	60
2.4.3. <i>ФЕ с соматизмами</i>	66
2.4.4. <i>Паремии</i>	70
2.5. Коннотативно-стилистическая значимость ФЕ.....	73
ВЫВОДЫ.....	78
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	82
ЛИТЕРАТУРА.....	84
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	95

ВВЕДЕНИЕ

Изучение выразительных средств языка в качестве ключа к пониманию этнического сознания занимает важное место в науке на протяжении нескольких десятилетий. Происходит оно в русле лингвокультурологии – дисциплины, предметом изучения которой становятся не только культурная коннотация единиц языка, но и экстралингвистические факторы, её создающие. Поэтому развитие современной лингвокультурологии непосредственно связано с когнитивной лингвистикой, направленной не только на раскрытие сути языковых явлений, но и познание их глубинной сущности. Антропологическая направленность научных изысканий XXI века определяет и ход лингвокультурологических исследований. Получается, что под прицелом ученых оказываются, в первую очередь, языковые особенности выражения ментальности носителей языка.

Чрезвычайно перспективным представляется изучение фразеологического состава языка – единицы которого обладают наиболее яркой культураносной семантикой. Фраземы, будучи знаками вторичной номинации, отражают особенности этноязыкового сознания носителей языка. Важным становится исследование не только самой фразеологической единицы (далее – ФЕ), но и лингвокреативных процессов, которые привели к ее появлению. Фраземы представляют собой осколки самых разных дискурсов: от древнего, мифологического, до более современного, медийного. Интересно изучение и стилистической маркированности, которая присуща большинству ФЕ каждого языка. Это характеризует одну из ключевых особенностей фразем – их коннотативную аксиологичность. Это термин имеет широкое и узкое понимание. В широком смысле коннотативная экспрессивность ФЕ позволяет им быть средством выражения оценки, эмоций, отношения говорящего к предмету/событию.

Исследования фраземики проводятся на протяжении многих лет. Большой глубиной отличаются работы российских исследователей.

А.И. Молоткова, В.Л. Архангельского, Н.М. Шанского, Р.Н. Попова, В.Н. Телии и др. Среди польских лингвистов выделяются S. Skorupka, W. Chlebda, A. Rajdzinska, S. Karolak, W. Karpaczewa, Ī.Kozielewski, Krzysztof Kusal, R.Lipczuk, G. Wilk и др.. Весьма перспективное направление исследований – сопоставительная фразеология – стало предметом изучения в работах Т.Н. Федуленковой, В.Ф. Васильевой, А.Д. Райхштейна, И.И. Огдановой и других ученых.

Контрастивная фразеология позволяет не просто изучить состав фразем нескольких языков, но и сопоставить полученные результаты. В русле когнитивной лингвистики это дает возможность пролить свет на особенности ментальности рассматриваемых этносов. В настоящей работе предметом сопоставления является ментальность носителей русского и польского языков.

Сопоставительный анализ фразем помогает выделить как оценочные, так и функционально-стилевые виды коннотаций. Оценочная коннотация тесно связана с эмоционально-экспрессивным параметром. Это связано с тем фактом, что проявление эмоции у говорящего становится свидетельством его пристрастного отношения к предмету речи, порождающего в семантической структуре ФЕ оценочные семы. Примерами таких ФЕ могут служить рус. *лодыря гонять*, *богом обиженный*, *сказка про белого бычка*; пол. *złamanu głos* ‘сломанный голос’, *trzymta w szachu* ‘держат в страхе’, *lać miód na serce* ‘лить мед на сердце’. Оценка может складываться из коннотаций компонентов ФЕ (так, слова *лодыря* и *гонять* несут в себе негативную коннотацию, поэтому употребление ФЕ *лодыря гонять* становится следствием негативного отношения говорящего к объекту речи) или формироваться благодаря специфике совокупного значения. Такие ФЕ могут выражать пренебрежение (рус. *сказка про белого бычка* ‘надоедливое повторение одного и того же’, т.е. что-либо неприятное, нежелательное для говорящего. В словарной статье эта ФЕ даже имеет помету *пренебр.*, т.е. *пренебрежительное*), удовольствие (пол. *lać miód na serce* ‘лить мед на

сердце’ выражает высокую степень удовольствия человека от услышанных им слов. Однако в определенных ситуациях коннотация может меняться. Это связано с теми случаями, когда подобные слова говорятя заведомо неискренне и являются льстивыми) и т.д. Оценка может даваться и отдельным характеристикам человека, например, его голосу: пол. ФЕ *złamany głos* ‘сломанный голос’ не только передает личные впечатления говорящего о чьем-либо голосе, но и свидетельствует о его негативной оценке.

В зависимости от вида оценки их можно разделить на разные категории (одобрительная, осуждающая, презрительная и др.). Функционально-стилевые коннотации служат указанием на сферу употребления фраземы. Их классификация совпадает с группами стилей языка, т.е., в первую очередь, выделяются две широкие группы: разговорные и книжные ФЕ. Книжные ФЕ обычно связаны с библейскими сюжетами (рус. *терновый венец*), устаревшей лексикой (рус. *притча во языцех*), возвышенными понятиями (пол. *kaganiec oświaty* ‘свет науки’), официальной сферой (пол. *paket zmian* ‘пакет изменений’) и т.д. Разговорные ФЕ традиционно включают в свой состав нестандартные образы (рус. *мышинная сутолока*, пол. *(ktoś) nie śmierdzi groszem* ‘у кого-л. не водятся деньги’, досл. ‘кто-то не воняет деньгами’) и просторечные компоненты (рус. *дать фору*). Нередко в разговорных ФЕ проявляются даже неологизмы, которые со временем закрепляются и остаются во фразеологическом фонде. Такова, например, польская ФЕ *dostać fiksum-dyrdum* ‘сойти с ума’. М. Ваńко полагает, что сочетание *fiksum-dyrdum* благодаря переработке слов *fiksacja* ‘легкое безумие’, *fiksować*, *fiksować* ‘сходить с ума, бредить’ и диалектного *dyrdać* ‘идти быстро или бежать мелкими шагами’ [Ваńко]. Оба слова намеренно перефразированы на латинский манер по типу медицинских диагнозов, что служит дополнительным средством создания иронии.

Фраземы служат репрезентантами ценностно-смысловых доминант каждого этноса. Это связано с их способностью кристаллизировать не только многовековой народный опыт, но и его взгляды, мировоззрение, верования и

др., что можно увидеть на примере продемонстрированных выше ФЕ. Так, например, связь с религиозными образами в подавляющем большинстве случаев воспринимается как нечто возвышенное, отличающееся по рангу от земного, что и обуславливает специфику употребления ФЕ такого типа. В то же время бытовые ситуации (вроде изготовления посуды, наблюдения за домашними животными или мелкими вредителями и т.п.) ложатся в основу разговорных выражений. Это делает ФЕ своеобразным строительным материалом, с помощью которого возводится языковая картина мира (далее – ЯКМ). Неслучайно некоторые ученые (Л.Т. Ючковская, В.В. Шкатова, Р.Т. Сираева и др.) даже предлагают ввести понятие фразеологической картины мира, представляющей собой «один из универсальных способов классификации фразеологизмов, основаниями которой выступают как экстралингвистические, так и языковые их особенности» [Ючковская, 2015: 62]. Глубокая образность ФЕ помогает им наиболее ярко проецировать все то, что заложено в этноязыковом сознании носителей языка. Доказательством этого служит возможность проследить происхождение, а, следовательно, и этнокультурные свойства, отдельных ФЕ. Так, например, русский фразеологизм *гол как сокол* представляет собой проекцию характеристики человека на распространенное в определенный исторический период стенобитное орудие, выглядевшее как абсолютно голая болванка. В польском языке примером такой ФЕ может служить возникшее относительно недавно выражение *tówi o zielonej wyspie* ‘*рассказы о зеленом острове*’. Его происхождение связано с тем, что «поляки называли свою страну «зеленым островом» процветания посреди моря рецессии» [Мануков]. Несоответствие реального положения вещей иллюзорному и породило ироничную ФЕ.

Наше исследование проводится на основе ряда произведений польского писателя Генриха Сенкевича. Изучались оригинальные тексты и их переводы на русский язык. Выбор польского языка связан с его генетическим родством с русским. В то же время многовековая история развития привела к появлению достаточно заметных различий как в

лексической, так и в грамматической организации обоих языков. Менталитет носителей языков также имеет ряд принципиальных различий и тесных сходств. Такая система противовесов в комплексе со значимыми экстралингвистическими факторами представляет большой интерес для проведения научного исследования.

Изучение языкового материала не может проводиться без учета особенностей личности автора, места и времени его проживания, исторического контекста и др. сведений. При анализе русскоязычных переводов нельзя забывать об этноязыковой личности переводчика и его аксиологических устремлениях.

Актуальность работы заключается в необходимости исследования механизмов формирования ценностных различий в русской и польской ментальности, обусловленных этноязыковым сознанием представителей каждого из этносов. Это дает возможность определить точки их соприкосновения. Такое «строительство мостов» позволяет детерминировать каждую из лингвокультур, тем самым отвечает задачам современного общества, направленного на консолидацию представителей разных народов, восстановление их исторического родства и причин уникальности каждого из них. Общие корни русских и поляков отражены в их языках, что исключает в этом плане конъюнктурные (бездоказательные) суждения.

Цель работы – выявить ценностные доминанты русского и польского языков путем анализа ФЕ в творчестве Г. Сенкевича, выявить их сходства и различия, сопоставив оригинальные и переводные тексты.

Объектом исследования явились фраземы, встречающиеся в произведениях Г. Сенкевича. В качестве **предмета исследования** выступили коннотативные особенности ФЕ, служащие маркерами их оценочной функции.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

- создать картотеку русских и польских ФЕ, собранную на основе анализа произведений Г. Сенкевича и их переводов;

- проанализировать коннотативные особенности собранных фразем и их переводов;
- эксплицировать из семантической структуры ФЕ ценностно-смысловые семы, сопоставить полученные результаты для последующей интерпретации проявляющихся в них русских и польских этноязыковых стереотипов.

Методологической основой исследование послужило философское учение о картине мира и взаимосвязи языка и культуры, психологии, мыслительных процессов, которые ее формируют.

Ведущими **методами** исследования послужили метод компонентного анализа семантики ФЕ, когнитивно-сопоставительный метод и элементы лингвостатистического анализа.

Источниками исследования послужили повести и рассказы Г. Сенкевича: «Старый слуга» («Stary sługa»; пер. Е. Рифтиной), «Ганя» («Hania»; пер. Е. Рифтиной), «Наброски углем» («Szkice węglem»; пер. Е. Карловой), «Янко-музыкант» («Janko muzykant»; В.Г. Короленко), «Из дневника познанского учителя» («Z pamiętnika poznańskiego nauczyciela»; пер. под ред. В. Ратнер), «Бартек-победитель» («Bartek Zwycięzca»; пер. П. Ахромовича), «Ангел» («Jamioł»; пер. Н. Подольской), «Орсо» («Orso»; пер. И. Добровольской), «За хлебом» («Za chlebem»; пер. М. Вальдена), «Сахем» («Sachem»; пер. И. Добровольской), «Органист из Пониклы» («Organista z Ponikły»; пер. М. Лещинской), «На маяке» («Latarnik»; пер. М. Вальдена). Польские тексты брались из открытого ресурса «Wikiźródła» («Викитека»).

Материалом исследования стала авторская картотека, состоящая из 312 пар ФЕ.

Апробация работы. Отдельные положения, выдвинутые нами гипотезе исследования, были опубликованы нами в статьях, размещенных в региональных, всероссийских и международных сборниках, а также обсуждавшихся на научных конференциях.

Структура работы. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, приложения и библиографического списка. В первой главе «Фраземика как средство формирования этноязыковой картины мира» предпринимается попытка обозначить роль ФЕ в раскрытии этноязыковой сущности носителей языка, раскрыть основные аспекты лингвокультурологической базы фразеологии. Вторая глава – «Ценностно-смысловая сущность фраземики» – посвящена анализу собранной картотеки и выявлению ценностных акцентов представителей русского и польского этносов. В приложении содержится пробная тетрадь словаря лингвокультурологических сопоставлений русского и польского языков.

Глава 1.

ФРАЗЕМИКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

1.1. ЯКМ как продукт этноязыкового сознания народа

Проблема взаимосвязи языка и мышления, начиная с XIX века, продолжает привлекать к себе внимание лингвистов. Изменились, разве что, её отдельные ракурсы и акценты. Если сначала доминировало изучение влияния мышления на оформление тех или иных языковых категорий, то со временем ситуация поменялась, и в приоритет вышел язык как средство формирования определенного образа мышления. Родоначальником второго направления с полным правом можно считать В. фон Гумбольдта. Он отметил неизбежное добавление субъективного к объективным языковым фактам, благодаря чему «каждую человеческую индивидуальность независимо от языка можно считать носителем особого мировоззрения» [цит. по: Звегинцев, 1960: 112]. В этой же работе он указывает и на формирование схожего мировоззрения не только у конкретной личности, но и во всем языке в целом.

Данный вопрос подвергался активному изучению в работах исследователей XIX-нач. XX веков (М. Гране, Ж. Пиаже, Э. Кассирера, Ф. Боаса и др.). Однако наиболее полное воплощение она получила в так называемой гипотезе Э. Сепира – Б. Уорфа, вошедшей в науку также как гипотеза лингвистической относительности. Тезис, взятый Б. Уорфом в качестве эпиграфа к своей статье, является весьма показательным: «Люди живут не только в объективном мире и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который стал средством выражения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать реальность, не прибегая к помощи языка, или что язык

является побочным средством разрешения некоторых специальных проблем общения и мышления. На самом же деле “реальный мир” в значительной степени бессознательно строится на основании языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [Уорф, 1960 а: 135]. Действительно, работы Э. Сепира и Б. Уорфа направлены на выявление связи между языком и мышлением представителей любых народов. Более того, Б. Уорф предполагает, что язык обуславливает не только способ мышления его носителей, но и способ познания реального мира [Уорф, 1960 б: 174].

Данная гипотеза, признанная в настоящее время несколько спорной, нашла отклик во многих работах ученых гуманитарной направленности. В частности, Л. Вайсгербер предложил понятие «языковая картина мира» (далее – ЯКМ), которое, несмотря на свою метафоричность, закрепилось в мировой лингвистике. За основу был взят философский термин «картина мира», предложенный Л. Витгенштейном.

Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «когнитивная сущность данного понятия заключается в том, что оно является обобщенным (итоговым) результатом отражения физической картины мира в коллективном сознании того или иного общества» [Алефиренко, 2010: 124]. Он уточняет, что речь идет не о зеркальном отражении, а о сложном процессе, объединяющем логическое и чувственное познание и интерпретирующем «характер, представленный в картине мира социума» [Алефиренко, 2010: 124].

Чрезвычайно сложным представляется соотношения ЯКМ с другими картинами мира (далее – КМ): научной (НКМ), логической (ЛКМ), физической (ФКМ) и концептуальной (ККМ). Ситуация осложняется и отсутствием единственно верного определения ЯКМ. Так, например, Н.Ф. Алефиренко подразумевает под этим термином «воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей

действительности» [Алефиренко, 2010: 134]. Н.Н. Гончарова приводит свое определение: «информация о среде и человеке, переработанная и зафиксированная в языке» [Гончарова, 2012: 397].

Синергетичность ФКМ, ЯКМ и ЛКМ связана с их расположением в одной плоскости. В то же время ряд совпадений не мешает этим КМ иметь различия, обусловленные национально-культурными факторами. ЯКМ наполнена как логическим, так и оценочным содержанием, благодаря чему успешно репрезентирует как понятия, так и представления.

Вопрос выделения ККМ как таковой является достаточно спорным. За ее выделение выступают Ю.Н. Караулов, В.И. Постовалова, Б.А. Серебренников и др., тогда как В.В. Морковкин и Н.Н. Гончарова убеждены, что противопоставление ЯКМ и ККМ излишне. Они сходятся во мнении, что ЯКМ складывается из концептов, поэтому понятие ККМ можно считать синонимом КМ.

Одним из свойств этноязыкового сознания, тесно связанного с ЯКМ, служит его способность быть как индивидуальным, так и коллективным. Это полностью соответствует специфике ЯКМ, которая также может относиться к конкретному индивиду или целому этносу. Однако ставить знак равенства между этими понятиями нельзя. И. Привалова отмечает, что «этноязыковое сознание не конгруэнтно языковой картине мира, так как включает не только осознанное, структурированное и вербализованное знание, но и неосознанное» [Привалова]. Можно заключить, что этноязыковое сознание является одним из параметров языковой личности, тогда как ЯКМ – продукт мыслительной деятельности индивида.

1.2. Роль фразем в формировании ЯКМ

Глубокая образность, заложенная в основе каждой ФЕ, обуславливает ее богатое культуроносное наполнение. Неслучайно В.А. Маслова называет ФЕ «зеркалом жизни нации» [Маслова, 2004: 67]. Такая метафора весьма логична, ведь каждая фразема несет в своей основе национальный опыт,

традиции этноса и его историю. М.Л. Ковшова предполагает, что ФЕ «зарождается на пересечении языка и культуры, он изначально насыщен культурой, и это делает его потенциально культураносным знаком» [Ковшова, 2013: 147]. По мнению исследователя, возникновению ФЕ способствует уже окультуренный образ, а, следовательно, все фразеомообразование в целом имеет культурную обусловленность. Более того, функционирование ФЕ в языковой среде происходит по круговой схеме: культурный код закладывается при образовании фраземы, а затем, в процессе интерпретации, происходит актуализация культурных смыслов. Неслучайно перевод ФЕ на другой язык представляет собой сложную, а иногда и невыполнимую задачу.

Антропоцентричность ФЕ объясняет ту роль, которую они выполняют при формировании ЯКМ. Ориентированность на человека обуславливает специфику функционирования ФЕ: они превращаются в субъективную оценку предметов и явлений (*сверкая пятками* – быстро, *семи пядей во лбу* – умный, *с распростертыми объятиями* – радушно и т.п.). Мыслительные процессы во многом направлены на «очеловечивание» окружающих реалий: верхнюю часть бутылки называют *головкой*, опору стола – *ножкой*, канцелярский предмет – *ручкой* и др. Польские лингвисты А. Lewicki и А. Rajdzińska утверждают, что наиболее ярко антропоцентрические тенденции проявляются в ФЕ, связанных с темами чувств, речи и смерти, а также в выражениях, включающих названия частей тела [Lewicki, Rajdzińska].

Анализируя фрагменты ЯКМ, создаваемой фраземами, В. А. Маслова называет такое ее свойство, как пейоративность. На наш взгляд, такое утверждение является достаточно спорным. Безусловно, отрицательные коннотации занимают достаточно важное место в ФЕ любого языка, однако говорить об их абсолютном преобладании излишне.

ЯКМ, отражая миропонимание индивидуума и целого этноса, традиционно связывается с наивной картиной мира. Неслучайно такую большую роль в ее формировании играют мифологемы, метафоры,

стереотипы и т.п. Попытка объяснить незнакомое явление через другое, знакомое, сделать необозримое окружающее пространство более ограниченным и, следовательно, понятным становится причиной распространённость фразем с оценочными коннотациями. Сам факт соотнесения явлений с самим собой (чаще всего это проявляется с ФЕ, содержащими соматизмы – *каша в голове* ‘спутанность мыслей, отсутствие ясности в сознании’ *зубы обломать* ‘потерпеть неудачу’ и т.д.) демонстрирует наивность когнитивного поля человека, в особенности в период формирования фразеологического словаря.

Важно заметить, что основной функцией ФЕ как «строительного материала» ЯКМ служит не столько репрезентация окружающих реалий, сколько их интерпретация. Главной задачей становится демонстрация субъективной оценки говорящего. Следуя за А.И. Федоровым, мы убеждены, что «фразеологизмы удовлетворяют потребность носителей языка в выразительности» [Федоров, 1973: 81]. Это согласуется и с точкой зрения Л. Вайсгербера, который называл ЯКМ общекультурным достоянием всего этноса [Вайсгербер, 1993: 110].

1.3. Лингвокультурная ценность фразем

Одним из главных аспектов изучения национально-культурной коннотации ФЕ долгое время оставались безэквивалентные компоненты. Это лексемы, содержащие указание на конкретные географические, бытовые или исторические реалии типа (*коломенская верста* ‘очень высокий человек’, (*кричать*) *во всю Ивановскую* ‘громко’, *бить баклуши* ‘бездельничать’ и др.). Внутри словарных статей подобные компоненты обычно подвергаются дополнительному комментированию. Перевод подобных единиц представляет особую трудность.

Однако изучение лингвокультурной ценности фразем исключительно по подобным компонентам было бы слишком поверхностным. По мнению Д.О. Добровольского, если воспринимать в качестве национально-

окрашенных ФЕ только те, где содержатся слова-реалии, то подобные идиомы станут маргинальным явлением [Добровольский, 97: 39]. В то же время он замечает, что слишком широкий подход к выявлению национально-культурных коннотаций превращается в поиск смысла в любой межъязыковом различии, даже случайном.

Конец XX века знаменуется изменением отношения к ФЕ. Теперь они понимаются как кладезь народной мудрости и опыта. В связи с этим повышается роль культурного комментария. Он освещает историко-этимологические сведения, вынося на первый план культурологическую информацию.

М. Л. Кошова создала собственную модель культурной интерпретации ФЕ носителями языка, представляющую собой описание процессов, происходящих в сознании говорящего и слушающего. Исходя из этого, исследователь предлагает трехчастную структуру культурной коннотации фразем [Ковшова, 2013: 149].

Первый компонент – «мифологический». Он является глубинным, а следовательно, наиболее абстрактным. На этом уровне происходят связь образа ФЕ с архетипичными представлениями и дихотомиями: живой-мертвый, свой-чужой, ранний-поздний и др. Связь с ними можно найти в древних обрядах и ритуалах.

Второй компонент – «научно-познавательный». Он является факультативным, т.к. не всегда представлен во фраземе. Его наличие или отсутствие напрямую связано с компетентностью носителя языка. В некоторых случаях компонент может быть представлен фрагментарно.

Третий компонент – «наивно-культурный» – презентует символы, установки, стереотипы, которые сохранены в повседневной жизни человека. От первого компонента он отличается тем, что представляет собой современный срез, ту философию, которая находится в сознании человека в настоящее время, а не заложена исторически.

Продemonстрируем соотношение этих компонентов на примере ФЕ *седьмая вода на киселе*. Первый компонент включает в себя противопоставление на основе оппозиций «далекий/близкий», «родной/посторонний», «свой/чужой».

Второй компонент актуализирует знания об истории производства киселя на Руси, связанной с многократным процеживанием получившегося продукта.

Третий компонент связан с соотнесением сцеженной многократно жидкости, лишь отдаленно напоминающей исходный продукт, и человека, находящегося в далеком родстве с говорящим. Сопоставление происходит сразу по нескольким признакам. Первый – степень удаленности «изначального» от «получившегося», а второй – непосредственно связанный с жидкостью: родственные связи традиционно соотносятся в сознании с кровью.

Для вычленения культураносной составляющей из фраземы используется лингвокультурологический комментарий. Существуют разные подходы к его построению. Так, например, Л.А. Ковалевская видит в нем 3 ключевых компонента: этимологический анализ, страноведческая информация и собственно культурологическое пояснение [Ковалевская, 2009: 232]. Иной подход использует М.Л. Ковшова, выделяющая 2 уровня подобного комментария – обычный и глубокий. Первая предназначена для актуализации базовых знаний, а вторая основана на серьезных научных работах и адресована специалистами. Содержание лингвокультурологического комментария, по мнению М.Л. Ковшовой, должно соотноситься с выделенными В.Н. Телия операциями, совершаемыми при употреблении ФЕ. Сюда входит соотнесение образа фраземы в целом или его компонентов с древнейшими пластами культуры, фольклорно-литературными источниками, кодами культуры, видами тропов и «языком» культуры [Ковшова, 2013: 159].

1.4. Этнокультурная маркированность ФЕ

Этнокультурная составляющая каждой ФЕ может проявляться по-разному. Безусловно, основным средством передачи культурологической составляющей служит внутренняя форма (далее – ВФ) фраземы. Ее сущность вызывает много споров в современной науке. Так, например, за ВФ принимают базовый словесный образ (В.П. Жуков, А.М. Бабкин), семантическую мотивированность (Л.И. Ройзензон, А.М. Мелерович), коннотативные особенности (В.Н. Телия), этимологическое содержание (В.М. Мокиенко, А.В. Кунин) и т.п.

Для правильного и полного понимания важности и места ВФ как этнокультурного маркера нужно учитывать роль апперцепции и пресуппозиции. Это связано со спецификой функционирования и образования ФЕ, базирующихся на уже существующем опыте народа в целом и индивида в частности, а также необходимости наличия определенного набора первоначальных знаний, позволяющих правильно интерпретировать фразему. Н.Ф. Алефиренко считает, что ВФ, в силу обозначенных факторов, занимает промежуточное положение между фразеологическим значением и значением фраземообразующей базы [Алефиренко, Семенов, 2009: 56]. А Л.А. Ковалевская полагает, что интерпретация образа ВФ, репрезентация пресуппозиции становится способом демонстрации культурно-маркированных компонентов ФЕ [Ковалевская, 2009: 231].

Современное понимание ВФ выходит за рамки лингвистики и попадает в пределы смежных наук, в первую очередь, психологии. На наш взгляд, такое понимание зачастую бывает слишком узким. Следуя за Н.Ф. Алефиренко, мы понимаем ВФ фраземы как «общий для этимологического и актуального значения ассоциативно-образный элемент, формирующий в семантической структуре фраземы путем взаимодействия фраземообразующих компонентов» [Алефиренко, Семенов, 2009: 60], а также видим в ней результат когнитивных процессов, направленных на

конкретизацию в речи психических форм отражения действительности [Алефиренко, Семенов, 2009: 58].

Образность, лежащая в основе фраземосемиозиса, уже давно стала привлекать внимание лингвистов. В польском языкознании этому вопросу уделялось настолько глубокое внимание, что долгое время фразеология считалась «буферной» филологической дисциплиной, находящейся на границе между языкознанием и литературоведением. Оценивая современное состояние этого вопроса, К. Szafranic заметил, что ФЕ проявляются, прежде всего, там, где от языка требуется особая креативность и нетипичность [Szafranic].

Как уже говорилось ранее, этнокультурными маркерами нередко могут выступать слова-реалии, а также элементы, указывающие на традиции и обычаи конкретного этноса: например, ФЕ *зубы заговаривать* связана с принятым на Руси обычаем лечить различные заболевания с помощью заговоров. Б.М. Ажнюк называет подобные единицы этноситуативными и предлагает собственную концепцию национальной маркированности. Он отходит от традиционного принципа выбора этнокультурных маркеров с точки зрения семантики и обращает внимание на частотность употребления конкретного компонента ФЕ или же определенной структурно-семантической модели. Кроме того, исследователь считает маркерами и проявления народного юмора внутри ФЕ, а также всю идеологическую направленность фразеологического фонда выбранного языка [Ажнюк, 1989: 112].

В настоящий момент существует несколько подходов к выявлению национально-культурных особенностей ФЕ. Первый из них – лингвострановедческий. Он базируется на фоновых знаниях носителей языка и затрагивает, в первую очередь, экстралингвистические факторы. Е. Чикина называет этот подход наиболее поверхностным и даже «самоварным» (по классическому примеру *ехать в Тулу за самоваром*) [Чикина].

Более поздним является подход, связанный с сопоставлением схожих ФЕ в разных языках. Если ли лингвострановедческий подход сосредоточен на анализе безэквивалентных явлений, то сопоставительный изначально наоборот предполагал изучение параллелей и универсалий. Более поздняя вариация этого подхода, по терминологии Е. Чикиной, – контрастивная. Исследователь пишет, что «сопоставление фразеологических эквивалентов здесь происходит с целью выявления не общего, как при классическом сопоставительном методе, а для выявления различий, которые и составляют национально-культурное своеобразие фразеологических эквивалентов сопоставляемых языков» [Чикина].

Наиболее актуальным и продуктивным представляет лингвокультурологический подход, возникший относительно недавно в свете перехода к антропологической концепции лингвистики. Этот подход и предполагает обращение к глубинным смыслам ФЕ, национальным стереотипам и эталонам и репрезентации культурных знаков. Более того, в русле когнитивной лингвистики развился новый, когнитивный подход к изучению этноязыковой специфики ФЕ. Такой подход, среди прочего, предполагает детальное изучение фразеосемантических полей.

Проанализировав литературу по теме и взяв за основу точку зрения Н. Алефиренко, мы выделили следующие группы культурно маркированных фразем [Алефиренко, Золотых, 2008: 8]:

1. Фраземы, отражающие элементы античной культуры (рус. *танталовы муки* ‘страдания, вызванные созерцанием желанной цели и невозможностью ее достигнуть’; пол. *syzyfowa praca* ‘сизифов труд’). ФЕ *танталовы муки* восходит к мифу о царе Фригии Тантале, пытавшемся похитить нектар и амброзию богов Олимпа и отправленном за это в Тартар. В наказание за содеянное он был обречен вечно мучиться от голода и жажды, находясь при этом в непосредственной близости от плодовых деревьев и источника воды. Этот сюжет и повлек за собой появление ФЕ,

обозначающей мучения, усиленные близостью, но недостижимостью избавления. ФЕ *syzyfowa praca*, как и многие другие «античные» ФЕ, имеет свой аналог в русском языке. Она образована по схеме, почти совпадающей с предыдущей: царь Коринфа Сизиф получает заслуженное наказание за то, что осмелился нарушить волю богов. Существуют разные версии мифа, рассказывающего о преступлении Сизифа. Наиболее распространенным является сюжет, согласно которому герой нарушил закономерный ход жизни и смерти, пленив бога Танатоса, а затем обманул олимпийцев повторно, сбежав из Тартара. За это Сизиф был обречен на бесконечное выполнение тяжелой и бесполезной работы: безрезультатно пытался вкатить камень на высокую гору. Отсюда и возникло выражение, символизирующее обреченность на тяжкий труд без надежды на благополучное выполнение задачи;

2. Фраземы, содержащие указание на собственно русские/польские культурные реалии (рус. *гол как сокол* ‘очень беден’; пол. *gramy w ślepej babkę* ‘играть в прятки’, досл. ‘играть в слепую бабу’). *Сокол* представлял собой русское стенобитное орудие, представляющее собой бревно, обитое металлом, или же целиком отлитое из чугуна или железа. Поверхность такого орудия была совершенно гладкой, что и было положено в основу ФЕ. *Соколами* назывались и некоторые металлические инструменты, имевшие цилиндрическую форму. Согласно гипотезе В.М. Мокиенко, название представляет собой кальку французского военного термина *faucou* (досл. ‘сокол’), обозначавшего орудие похожего типа [Мокиенко, 1980: 38]. Э.А. Вартамян предположил, что *сокол* в данной ФЕ представляется собой трансформированное *сукол*, обозначавшее в крестьянской среде «пары тесно сближенных кольев, которые поддерживают частокол, плетень, изгородь» [Вартамян, 1963: 74].

Осенью такие ограды выглядели одиноко и сиротливо, что могло послужить поводом для сопоставления с обедневшим человеком.

Ślepa babka – одно из наименований игры в прятки в польском языке. Более подробно мы рассмотрим особенности ВФ этого выражения во 2 главе. Примечательно, что хоть сама детская игра и распространена в разных культурах, образ *слепой бабки* характерен именно для польского этноязыкового сознания. Метафоризация осуществляется на основе внешнего сходства: человек с завязанными глазами, играющий в прятки, временно становится слепым, т.е. напоминает пожилого человека, потерявшего зрение.

Таким образом, приведенные нами примеры демонстрируют особенности включения слов-реалий: наименования русского стенобитного орудия/вида изгороди и польской номинации старинной детской игры.

3. Фраземы, в компонентном составе которых имеются культурно и семантически освоенные лексемы (рус. *рынду бить* ‘звонить в колокол для обозначение полудня’, пол. *bujda na resorach* ‘турусы на колесах; вранье’). *Рында* – название судового колокола. Слово пришло в разговорную речь из морской терминологии, где обозначало звон колокола в определенное время суток. Со временем наименование звона перешло на сам колокол, а затем и вовсе перешло во фразеологический фонд в составе указанной ФЕ. Дословный перевод ФЕ *bujda na resorach* – ‘ерунда на рессоре’. Рессора представляет собой элемент ходовой части автомобиля. Это слово является элементом специализированной лексики и не входит в активный пласт польского языка. Однако в рамках обозначенной ФЕ произошло переосмысление – лексема употребляется в сочетании с просторечным словом, что создает оригинальный эффект.

4. Фраземы, состоящие из слов общепринятого языка, но по своей семантике являющиеся культурно маркированными образованиями (рус. *быть в ответе* ‘нести ответственность за кого-либо’, пол. *co nagle, to po diable* ‘поспешишь – людей насмешишь’). ФЕ *быть в ответе* иллюстрирует особенность русского менталитета: если человек берет на себя ответственность за кого-либо или что-либо, то он *отвечает* за него, т.е. фактически защищает, принимает на себя все сложности. Польская ФЕ *co nagle, to po diable*, возникшая на основе поговорки, демонстрирует специфику этноязыкового сознания поляков: действие, совершенное слишком быстро, имеет плохую результативность, а раз она плохая, то непременно связана с *дьяволом*.
5. Фраземы, возникшие путем фразеологизации фрагментов – сочетаний слов из художественных произведений (рус. *хоть видит око, да зуб неймёт* ‘невозможность достичь цели, находящейся в непосредственной близости’ (И.А. Крылов); пол. *róże pachną profesjonalnie* ‘розы пахнут профессионально’ (Stanisław Jerzy Lec)). Авторские ФЕ обычно отличаются яркостью и оригинальностью. ФЕ И.А. Крылова по смыслу близка уже упомянутой ФЕ *танталовы муки*, однако в основу положены соматические образы. Польская ФЕ является более нестандартной. Перенос значения построен на оксюмороне: естественный процесс назван *профессиональным*, т.е. охарактеризован как целенаправленная деятельность человека.
6. Фраземы библейского происхождения (рус. *вавилонское столпотворение* ‘неразбериха, путаница, шум’; пол. *kamień węgielny* ‘краеугольный камень’). В основу обеих ФЕ положены библейские сюжеты. *Вавилонское столпотворение* – создание в Вавилоне башни («столпа») высотой до самого неба. Стройка разгневала Бога, и он смешал языки всех вавилонян, что привело к

путанице и неразберихе. В ФЕ *kamień węgielny* библейская притча соединена с реальными особенностями древнего строительства. Краеугольным назывался камень, укладывавшийся в самой трудно для работы точке здания – углу. Согласно евангельскому сюжету, во время постройки один из камней казался зодчим никуда не годным, но именно он, в конечном счете, и сделался *главою угла*, т.е. самым важным и ценным.

7. Фраземы, отражающие этнокультурную специфику бытового характера (рус. *как с гуся вода* ‘кому-либо все нипочем’, пол. *zniknąć jak kamfora* ‘исчезнуть без следа’, досл. ‘исчезнуть, как камфара’). ФЕ такого типа построены на основе наблюдений, сделанных представителями каждого из этносов. Так, например, оперение гусей покрыто особым жиром, отталкивающим влагу. Отсюда и возник перенос значения: человек, которому нипочем любые замечания, сравнивается с птицей, по перьям которой скатывается вода.

ВФ польской ФЕ связана с химическими свойствами камфары, активно использовавшейся в хозяйстве: кристаллы, содержащиеся в веществе, достаточно быстро испаряются на воздухе.

8. Фраземы, восходящие к народным поверьям и обычаям (рус. *как рукой сняло* ‘бесследно исчезло’; пол. *w czepku się urodził* ‘в рубашке родился’, досл. ‘в чепчике родился’). ФЕ *как рукой сняло* восходит к вере в заговоры. Действия знахарок, решавшие, по мнению деревенских жителей, многие проблемы нередко сопровождалась активной жестикуляцией, что и привело к появлению подобного выражения.

Подробный анализ ФЕ *w czepku się urodził* будет произведен во 2 главе. Отметим, что ее ВФ связано с представлением славян о том, что редкая особенность – появление новорожденного с пленкой на голове – свидетельствует о том, что в жизни его ждет особая удача.

Изучение ФЕ, относящихся к обозначенным группам, позволяет более глубоко и точно обозначить акценты этноязыкового сознания.

1.5. Коннотативно-стилистические характеристики ФЕ

Как следует из самого термина, коннотативно-стилистические параметры ФЕ представляют собой синтез коннотативных и стилистических компонентов. Несмотря на видимую близость, смешивать коннотацию и стилевые особенности все же нельзя.

Вопросы изучения коннотации являются актуальными в лингвистике XX-XXI веков. Важно также выяснить соотношение денотации и коннотации, что является не такой простой задачей, как может показаться на первый взгляд. Коннотации присущи семасиологическим образованиям разных типов: семантике лексем и фразем, стилистике, интертекстам и т.д. Именно поэтому распространенное представление о коннотации как характеристике исключительно единиц лексического языкового уровня является ложным. Коннотация сопровождает и различные когнитивные компоненты фразеологического значения: концепты, архетипы, мифологемы и др. Все это приводит к достаточно размытому пониманию всей сути термина.

С целью устранения столь диффузного эффекта нами предпринимается попытка вложить в это понятие дискурсивно-стилистическое содержание, составляющими которого служат прагматические, оценочные, эмотивные и ценностно-смысловые элементы семантики фразем. Большое значение для их реализации имеют условия функционирования ФЕ. Фразема – знак исконно коннотативный. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский отмечают, что прагматическая составляющая ни в коем случае не должна описываться как план содержания [Баранов, Добровольский, 2009: 78]. Кроме того, важно учитывать особенности дискурса, в котором используются анализируемые ФЕ. Если он является ограниченным (например, узкоспециализированная сфера – медицина, военное дело и т.п.), то это накладывает определенный

отпечаток на стилевые характеристики изучаемой ФЕ. По мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, «стилевая ограниченность специальной терминологии представляет собой реализацию общего принципа организации стиля: стилевое разнообразие возможно лишь там, где имеется выбор в номинациях одной и той же сущности» [Баранов, Добровольский, 2009: 78]. Иными словами, возможность соотнесения ФЕ с разными функциональными стилями подтверждается возможностью или невозможностью подбора другого выражения с идентичным смыслом. В этом и проявляется связь коннотативных особенностей ФЕ с их сферой употребления, т.е. стилевыми особенностями.

Связь стилистики и коннотации занимает важное место и в семиотике. Так, например, Л. Ельмслев выдвинул собственное понимание коннотативной семиотики и ее связи со стилистическим критерием. Он же провел параллель между стилистическим и коннотативным значениями: «Стилистическое значение языкового знака — это коннотативное означаемое, чьим означающим выступает данный знак как единство денотативного означающего и денотативного означаемого» [цит. по: Ревзина]. О.Г. Ревзина отмечает, что «понимание стилистических значений как коннотативных позволило собрать воедино явления, относящиеся к разным сторонам устройства языка, фонетике и лексике, грамматике и синтаксису» [Ревзина] и ссылается на представление Г.О. Винокура о стилистической системе языка как о «соединении отдельных членов языковой структуры в одно и качественно новое целое».

Особого внимания заслуживают стилистические характеристики ФЕ. Этот аспект является весьма актуальным в современной славянской фразеологии. В.М. Мокиенко отмечает, что фразеологическая стилистика сегодня развивается преимущественно в двух направлениях: разработке классификации ФЕ и типологии фразеологических трансформаций [Мокиенко, 2008: 13]. Разработать универсальную схему для всех славянских языков невозможно в силу их индивидуальной специфики. Другие трудности

возникают в силу поликомпонентного состава ФЕ и сочетания в одной единице нейтральной и сниженной или возвышенной лексики. Ученый отмечает, что преобладающими в славянской фразеологии становятся разговорные ФЕ, однако это, к сожалению, до сих пор недостаточно проработано в системе словарных помет. Несовершенной является и «стилистическая параметризация ФЕ по функционально-семантическому и экспрессивно-эмоциональному диапазону» [Мокиенко, 2008: 13].

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский выделяют 4 фактора, влияющих на стилистическую принадлежность ФЕ [Баранов, Добровольский, 2009: 80]:

1. Смысл, передаваемый ФЕ (фактор значения)
2. Фактор ВФ
3. Лексический состав ФЕ
4. Временные характеристики ФЕ

Связь смысла и стиля представляется достаточно сложной. С одной стороны, крупные тематические группы ФЕ включают в себя выражения с разной окраской. Это касается, например, поля 'пространство', куда могут одновременно входить нейтр. ФЕ *на открытом воздухе* 'на улице', *высок. города и веси* 'все пространство', а также журнализмы типа *страна восходящего солнца* 'Япония'. Однако существует ряд фразеосемантических полей, которые тяготеют к ФЕ конкретного стиля.

ВФ также связана со стилистической окраской ФЕ. В подавляющем большинстве случаев нейтральные выражения не имеют в своей основе яркого образа. Это же касается так называемых служебных ФЕ (*по крайней мере, с тех пор как* и т.д.). В то же время ФЕ с осязаемой ВФ имеют сниженную или, наоборот, возвышенную окраску, что зависит от самого образа (так, например, связь с библейскими сюжетами придает выражению возвышенность). А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский разработали собственную типологию образности сниженных ФЕ, подчеркнув, что и она не является исчерпывающей [Баранов, Добровольский, 2009: 84].

Достаточно прозрачным является влияние лексических компонентов на стилевую организацию ФЕ. Если один из них имеет ярко выраженную окраску, то она распространяется на все выражение. Примером могут послужить такие ФЕ, как *пасть порвать* ‘нанести увечья’ (прост.), *ищите и обряцете* ‘ищите и найдете’ (возв.) и т.д.

Временная отнесенность ФЕ и их отдельных компонентов тоже сказывается на коннотативно-стилистических особенностях. Фразеологический тезаурус свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев устаревшие ФЕ имеют возвышенную окраску, тогда как сниженные и просторечные представлены отдельными примерами. Трудность изучения подобных единиц заключается в том, что анализ производится с современной точки зрения, при которой большинство лексем, имеющих лексикографическую помету *народн.*, расцениваются как устаревшие и сниженные. Это же касается и других подобных выражений.

Таким образом, коннотативные и стилистические параметры ФЕ находятся в тесной взаимосвязи. Изучение стилистических особенностей выборки фразеологизмов в целом и конкретных выражений в частности позволяет раскрыть ценностные доминанты и эмоции говорящего (причем оценка и эмоция могут как совмещаться, так и употребляться опосредованно). Коннотация может заключать в себе и степень эмоционального воздействия: возвышенную (торжественность, высокопарность) или сниженную (фамильярность, брань), что также непосредственно связано со стилистической окрашенностью. В то же время нельзя ставить знак равенства между коннотацией и стилистикой. Нельзя забывать о том, что первое понятие относится к семантике и является более абстрактным, тогда как учение о стилях носит более прикладной характер.

ВЫВОДЫ

1. ЯКМ – продукт этноязыкового сознания как всего народа в целом, так и отдельных индивидуумов в частности. Физическая, логическая и языковая картины мира находятся в тесной взаимосвязи, что обуславливает особенности целостной КМ.

2. ФЕ представляют собой культуруносные знаки. ЯКМ, создаваемая с их помощью, имеет свою специфику. ФЕ, лежащие в основе ЯКМ, направлены, в первую очередь, на интерпретацию окружающих реалий и демонстрацию субъективной оценки. Это объясняет столь высокую распространенность ФЕ с оценочной коннотацией.

3. Изучение этнокультурологических особенностей ФЕ не должно производиться исключительно на основе анализа лексических компонентов, представляющих слова-реалии. Это излишне упрощает исследование и дает поверхностные результаты. Подобный анализ затрагивает только отдельный пласт ФЕ, названных Д.О. Добровольским «маргинальными», что не позволяет сделать объективные выводы. Более того, изучение универсально-человеческих особенностей, проявившихся в рамках рассматриваемого языка, не всегда может рассматриваться как его национально-специфическая черта, что служит весомым поводом для проведения более глубокого исследования.

4. Важным средством интерпретации ФЕ становится культурологический комментарий. Он может опираться как на академические источники, так и на наивные представления носителей языка. В зависимости от этого меняется структура комментария и вносимые в него сведения. Простому читателю достаточно научно-популярных сведений, касающихся истории ФЕ и основных гипотез о ее появлении. В подобном комментарии обычно раскрываются те культурные смыслы, которые известны каждому представителю этноса, т.е. он направлен на актуализацию фоновых знаний. Глубокий комментарий, в свою очередь, предполагает

отсылку на исследования авторитетных ученых, использование лингвистической терминологии, а также сообщение важных историко-культурных или собственно-языковых сведений. Подобный комментарий содержит вывод о знаковой культурной функции ФЕ или ее роли в репрезентации важного для носителей языка концепта.

5. Одной из ключевых особенностей ФЕ как этномаркированной единицы становится ее ВФ. Важно учитывать не только ее специфику, но и особенности апперцепции и пресуппозиции. Они служат показателями «жизни» ФЕ в этноязыковом сознании и демонстрируют когнитивную базу, на которой она возникла. Предыдущий опыт конкретного индивидуума в частности и всего общего в целом действительно занимает значимое место в специфике фразеологической семантики. ВФ становится генетической базой каждой ФЕ, поэтому ее особенности (принцип метафоризации, признак, положенный в ее основу, и т.д.) являются ключевыми при анализе этнокультурных свойств ФЕ на любом этапе ее функционирования в языке. Апперцепция и пресуппозиция обуславливают интерпретацию каждой ФЕ конкретной языковой личностью. Именно поэтому проводить анализ лучше на примере художественного текста или зафиксированных фактов живой речи, а не исключительно на основе лексикографических источников.

6. В настоящий момент существует несколько подходов к выявлению национально-культурных особенностей ФЕ: лингвострановедческий (основан на фоновых знаниях носителей языка и сконцентрирован на экстралингвистических факторах; предполагает более скрупулезное изучение безэквивалентных единиц), сопоставительный (изначально был направлен на изучение межъязыковых параллелей, однако со временем перестроился на поиск национально-обусловленных различий) и лингвокультурологический (обращение к глубинным смыслам ФЕ, национальным стереотипам и эталонам и репрезентация культурных знаков).

7. Существует ряд ФЕ с яркой этнокультурной маркированностью. Сюда относятся не только ФЕ с «бытовыми» компонентами но и выражения,

возникшие на основе древних обычаев и традиций, мифологических или библейских сюжетов и т.д. Особое место занимают ФЕ, заимствованные из художественной литературы, а также паремии.

8. Большую значимость имеют коннотативно-стилистические особенности ФЕ. По мнению ученых, на стилистическую принадлежность ФЕ влияет ряд факторов, среди которых их смысл, ВФ, лексические компоненты и временная отнесенность. Тесная связь коннотации и стиля напрямую связана со способностью ФЕ выражать определенную оценку в рамках конкретного дискурса. В то же время необходимо помнить и о границе, разделяющей эти понятия. Коннотация является, в первую очередь, понятием семантическим, что и определяет сферу ее изучения, тогда как стиль и вытекающие из него характерные особенности обладает прикладными свойствами. Принадлежность к тому или иному стилю во многом определяется спецификой дискурса.

ГЛАВА 2. ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СУЩНОСТЬ ФРАЗЕМИКИ

2.1. Особенности русско-польских фразеологических параллелей

Сопоставительный анализ языковых единиц всех уровней привлекает внимание многих лингвистов. Известны работы В.Д. Аракина, Э.А. Макаева и др., посвященные изучению сходств и различий разных языков, а также Э.М. Солодухо, А.Д. Райхштейна, Т.Н. Федуленковой, А.В. Кунина, Е.Ф. Арсентьевой, связанные непосредственной с эквивалентностью фраземики. Взаимное соотнесение разных языковых единиц позволяет наиболее полно и точно охарактеризовать каждую из них, поэтому изучение межъязыковых фразеологических соответствий представляется столь важным в лингвокультурологическом аспекте.

Чрезвычайно важным для полной проработки проблемы межъязыковых соответствий представляется введение понятия языкового изоморфизма. Оно было перенесено в лингвистику из математики польским исследователем Е. Куриловичем. В.Д. Аракин понимает под этим термином «подобие, или параллелизм, отдельных звеньев структуры языка, отдельных микро- или макроструктур, ее составляющих» [Аракин, 2005: 23]. Противоположностью изоморфизма является алломорфизм, указывающий на разнотипность элементов конкретного языкового уровня.

Т.Н. Федуленкова ввела в лингвистику термин *идиоматический алломорфизм* и назвала его ведущим категориальным признаком ФЕ. Суть термина базируется на существенном расхождении ВФ фраземы и ее семантики, являющееся, по мнению А.В. Кунина, важнейшим элементом дефиниции ФЕ. Именно идиоматический алломорфизм становится одним из ведущих факторов, затрудняющих перевод ФЕ с одного языка на другой. Интересно, что в общем идиоматический алломорфизм языка в целом представляется явлением изоморфным, «поскольку фразеологическая единица любого языка, по определению предполагает наличие семантической модификации компонентного состава» [Федуленкова].

Изоморфные явления доминируют над алломорфными при изучении межъязыковых соответствий. Это подтверждает классификация Е.Ф. Арсентьевой. Базируясь на компонентной теории тождества/различия семной структуры фразеологического значения, она выделила 3 группы межъязыковых соответствий:

- 1) фразеологические эквиваленты (полные и частичные);
- 2) фразеологические аналоги (полные и частичные);
- 3) безэквивалентные ФЕ.

У семантических эквивалентов отмечается максимальный уровень соответствия, у аналогов он несколько ниже.

Фразеологические эквиваленты характеризуются тождеством семантики, грамматического построения и компонентного состава. Безусловно, во внимания принимается специфика построения словосочетаний и предложений в каждом из изучаемых языков. Например: рус. *бросить перчатку* и пол. *rzuciłbyć rękawicę* ‘бросить вызов’, рус. *слабая струнка* и пол. *ślaba strona* ‘уязвимое место’.

Фразеологические аналоги – это «ФЕ, выражающие одинаковые или близкие значения, но характеризующиеся полным различием или приблизительным сходством внутренней формы» [Арсентьева]. Достаточно часто показателем аналогов служит наличие общего компонента в составе выражения.

Аналоги чрезвычайно распространены, в особенности в языках, не имеющих глубокой генетической общности. Это объясняется тем фактом, что у большинства народов существует ряд одинаковых понятий (это связано, например, с характеристикой человека, его состояния и деятельности), но перенос значения осуществляется на основе собственных национальных установок и стереотипов. Так, например, русской ФЕ *пойти прахом* ‘полностью разрушиться’ соответствует польская *rójść na tarne* (досл. ‘пойти зря, впустую’).

Безэквивалентные ФЕ предполагают отсутствие соответствий изучаемой единицы в одном из анализируемых языков. В этих ФЕ наиболее ярко отражены свойства этноязыкового сознания носителей языка и сконцентрированы особенности психологии и восприятия окружающих реалий. Например: рус. *лясы точить* ‘болтать’, *в бирюльки играть* ‘заниматься ерундой’; пол. *nosić dwa języki w gębie* ‘говорить то одно, то другое’ (досл. ‘носить два языка во рту’), *dostać ucho od śledzia* ‘ничего не получить’ (досл. ‘получить ухо от селедки’).

Для передачи смысла подобных выражений носителям других языков обычно используется дескриптивный (описательный) перевод. В то же время такие единицы обычно занимают незначительное место во фразеологическом фонде любого языка. Это связано с тем, что большинство понятий все же являются универсальными для представителей всех этносов. Различия проявляются преимущественно в мотивировочном признаке, на основе которого происходит перенос значения, что делает группу фразеологических аналогов весьма насыщенной.

При изучении текстов Г. Сенкевича нами было выявлено, что в большинстве случаев ФЕ русского и польского языка имеют полные структурно-семантические эквиваленты. Это расходится с мнением Е.Ф. Арсентьевой, утверждающей, что наибольшей распространенностью пользуются фразеологические аналоги. Такое расхождение можно объяснить тем фактом, что в поле зрения исследователя оказались ФЕ английского, русского и татарского языков, не имеющих тесной генетической связи. В нашей работе сопоставляются ФЕ русского и польского языков, объединенных принадлежностью к славянской группе.

Соотношение групп фразеологических соответствий, выявленных в ходе нашего исследования, представлено на диаграмме [Рисунок 1]:

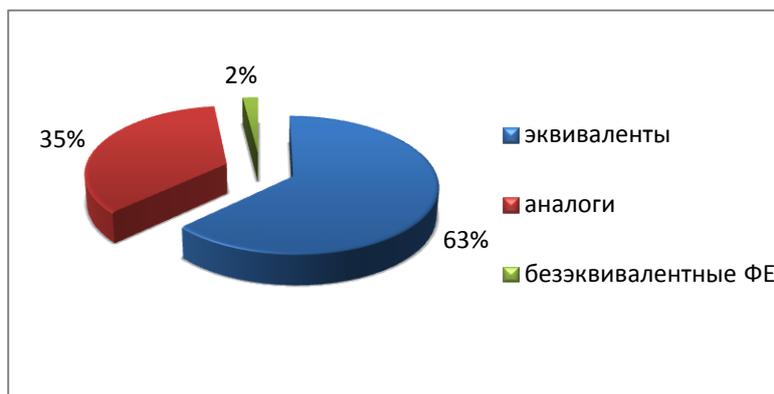

Рисунок 1. Соотношение ФЕ с точки зрения эквивалентности

Иной подход к классификации межъязыковых соответствий предложен М.М. Копыленко и З.Д. Поповой. Они предлагают собственную теорию межъязыковой идиоматичности (далее – МЯИ). Она основана на более ранних работах казахских ученых (неслучайно первые исследования с применением подобного метода проводились именно на материале казахского языка). Основываясь на определении, выдвинутом М.М. Копыленко и З.Д. Поповой, Е.Г. Селезнева характеризует МЯИ как «такое соотношение двух выражений сопоставляемых языков, когда хотя бы одна из лексем языка – оригинала передается на язык перевода не через свое соответствие по прямому номинативному значению» [Селезнева, 4]. МЯИ имеет 5 степеней, варьирующихся от полного соответствия до абсолютного отсутствия эквивалентной ФЕ в одном из языков.

На наш взгляд, подобный подход к изучению эквивалентности ФЕ более продуктивен в отношении выражений, взятых из генетически неродственных языков. Поэтому в своей работе мы придерживаемся классификации, предложенной Е.Ф. Арсентьевой.

2.1.1. Фразеологические эквиваленты

Как уже говорилось ранее, для фразеологических эквивалентов характерно полное совпадение плана выражения и плана содержания. Зачастую предугадать уровень межъязыковой эквивалентности можно заранее. Это зависит от ряда характеристик. А.Д. Райхштейн отметил, что они «касаются компонентного состава, синтаксической структуры,

семантического и формального механизма фразеологичности и совокупных стилистических свойств ФЕ» [Райхштейн, 1980: 15]. Основываясь на работе Р.А. Аюповой и собственных исследованиях, мы выделили следующие параметры, служащие показателями эквивалентности ФЕ:

- включение в состав ФЕ компонентов-универсалий, особенно соматизмов и общенациональной бытовой лексики: рус. *не сходить с уст* – пол. *nie schodzić z ust* ‘постоянно упоминаться’, рус. *бояться как огня* – пол. *bać się jak ognia* ‘сильно бояться’ и т.д.;
- с точки зрения стилистики наибольшая эквивалентность связана с нейтральными и книжными ФЕ, тогда как просторечные наоборот содержат в себе максимальную национально-идентичную образность: рус. *вымокнуть до нитки* – пол. *przemoknąć do nitki* ‘сильно промокнуть’, рус. *испить чашу (горечи)* - пол. *wychylić kielich (goryczy)* ‘перенести страдания’, но рус. *сбить с толку* ‘запутать’, пол. *siedzieć w kozie* ‘сидеть в тюрьме’;
- совокупное фразеологическое значение, связанное с общечеловеческими понятиями и представлениями: рус. *хватать за сердце* – пол. *brać za serce* ‘волновать’ и др.

Очевидно, что наименьшей эквивалентностью обладают единицы, обладающие прямо противоположным набором качеств (наличием национально-обусловленных компонентов, просторечной окраской, а также переосмыслением событий и факторов, связанных с конкретным этносом). Такие единицы, несмотря на свою малочисленность, могут представлять собой самый продуктивный материал для лингвокультурологического исследования.

Межъязыковые фразеологические эквиваленты (далее – МФЭ) можно разделить на **полные** и **частичные**. Полные МФЭ характеризуются абсолютным совпадением сигнификативно-денотативного и коннотативного

компонентов значения, а также идентичностью грамматической структуры. Такие МФЭ достаточно редко встречаются в языках разных семей и групп, однако общность русского и польского языков обеспечивает высокую частотность подобных ФЕ. Это связано, в частности, со схожими правилами грамматики, позволяющими строить ФЕ по одинаковым моделям. Например:

- рус. *затаил дыхание* – пол. *dech wstrzymał*;
- рус. *провалиться с головой* – пол. *wlecieć z głową*;
- рус. *крыша над головой* – пол. *dachu nad głową*;
- рус. *бросить перчатку* – пол. *rzuciłbyć rękawicę* и др.

Частичным МФЭ присущи незначительные различия в компонентном составе и плане выражения в целом (например, употребление синонимичной лексемы, в т.ч. с иной стилистической окраской). Примером таких ФЕ могут служить следующие:

- рус. *голову снести* – пол. *głowę utnać* (досл. ‘отрубить голову’);
- рус. *слабая струнка* – пол. *śłaba strona* (употребление слова с уменьшительным суффиксом, являющимся специфичным именно для русского языка);
- рус. *из уст в уста* – пол. *z ust do ust* (русский вариант имеет возвышенную окраску, тогда как польский является нейтральным).

Приведенные примеры подтверждают наличие в русском и польском языках ФЕ, полностью или частично совпадающих в плане содержания и выражения. Это показывает, что в этноязыковом сознании носителей обоих языков ярко выражены сходные тенденции.

2.1.2. Фразеологические аналоги

Фразеологические аналоги характеризуются близостью семантики при явной разнице в плане выражения. Подобно эквивалентам, они подразделяются на **полные** и **частичные**.

У **полных** межъязыковых фразеологических аналогов (далее – МФА) совпадают сигнификативно-денотативный компонент значения и оценочная коннотация. Различия могут проявляться в грамматическом построении, компонентах, образной основе, стилистической принадлежности и т.д.. Примерами подобных ФЕ могут послужить следующие:

- рус. *бока наломать* – пол. *giry poprzetrącać* ‘избить’. Семантика и схема построения обеих единиц аналогичны. Разница заключается в ключевом компоненте: в русском варианте это *бока*, тогда как в польском – *ноги*;
- рус. *ногами топтать* – пол. *nogami kopać* ‘унижать’. Разница между этими аналогами также проявляется в компонентном составе: различия касаются переосмысленных действий. Если в русском языке употреблен глагол *топтать* ‘давить, мять ногами’, то в польском – *kopać* ‘ударять ногой’ или ‘копать’;
- рус. *красный как рак* – пол. *czzerwony jak burak, raki pieczesz* (о действии), *piecze znowu niepolitycznego raka* ‘сильно покраснел’. В текстах Г. Сенкевича встречается сразу 3 аналога русской ФЕ. Сравнение производится на основе сходства: покраснение кожи человека сопоставляется с цветом вареного рака (в польском варианте процесс приготовления раков непосредственно отражен в самой ФЕ) или свеклы. Кроме того, различается стилистическая окраска и степень экспрессивности. Русская ФЕ приближена к нейтральному стилю, тогда как польские являются просторечными. ФЕ *piecze znowu niepolitycznego raka* (досл. ‘опять печет неполитичного рака’) является индивидуально-авторской и наделена максимальной экспрессивностью;
- рус. *пойти по миру* ‘бедствовать’ – пол. *pójść po proszonym chlebie* ‘нищенствовать’ (досл. ‘пойти за выпрошенным хлебом’) и *pójść na dziady* ‘обнищать, опуститься’ (досл. ‘пойти на нищих’). В анализируемых нами текстах было найдено сразу 2

аналога русской ФЕ. В целом все они объединены общим значением и, несмотря на разницу в компонентном составе, имеют близкую общую основу: отражается ситуация, связанная с нищенством, бродяжничеством, поиском средств к существованию;

- рус. *китайская грамота* – пол. *język chiński* ‘бессмыслица’. Смысловая и стилистическая общность каждого из аналогов очевидна. Разница вновь связана с компонентами: в русском варианте за основу берется конкретная бумага, тогда как в польском – весь иностранный язык в целом;
- рус. *идти, как по маслу* – пол. *iść to jak woda* ‘без помех и затруднений’. Схожие в семантическом плане ФЕ различаются базовым компонентом: в русском варианте беспрепятственное движение сопоставлено с перемещением по маслу (скользкому веществу), а в польском – по воде (жидкость, не обладающая высокой плотностью);
- рус. *душа направилась к пяткам* – пол. *duch skierował się ku ramionom* ‘кто-либо испытывает сильный страх’. Семантика обеих единиц схожа, однако компонентный состав становится весьма примечательным. Значимые различия касаются опорного компонента: рус. *душа* и пол. *duch* ‘дух’. Принципиально различен и объект, на который направлено действие. В русском языке душа стремится *к пяткам*, тогда как в польском *ku ramionom* (к плечам), т.е. в противоположном направлении. Это отражает специфику архетипичного представления каждого из этносов о душе человека.

Частичные МФА характеризуются значительными расхождениями не только в плане выражения, но и с точки зрения семантики. Если полные МФА еще имеют общие черты в образной структуре выражения, то в

частичных перенос значения осуществляется по принципиально разным параметрам. К таким ФЕ можно отнести следующие:

- рус. *дышать на ладан* ‘быть близким к смерти’ – пол. *ciénko prząść* ‘терпеть нужду; сбавить тон; быть при смерти’ (досл. ‘тонко прясть’). Польская ФЕ является многозначной и совпадает с русской только в одном из вариантов. Принципиальные различия имеет план выражения. Русская ФЕ появилась в результате переосмысления церковного обряда, проводимого над умирающим человеком. В свою очередь в польском языке метафоризировался процесс прядения: тонкая нитка сопоставляется с состоянием человека;
- рус. *с глаза на глаз* – пол. *sam na sam* ‘наедине, тет-а-тет’. При схожем значении ФЕ обладают принципиально разным выражением. Проявляются разные принципы переноса значения: если в русском варианте проявляется метонимический перенос (за основу берется конкретный орган – *глаз*, т.к. при диалоге зрительный контакт играет важнейшую роль), то в польском речь идет непосредственно о двух людях (причем индивидуальность каждого подчеркнута лексемой *sam* ‘сам, один’);
- рус. *любить как собака палку* ‘ненавидеть’ – пол. *kochać jak psy dziada* ‘ненавидеть’ (досл. ‘любить, как псы деда’). Смысловая общность обеих ФЕ противопоставлена коренным различиям в плане выражения. Русская ФЕ построена по принципу «от противного»: предполагается, что *собака* способна получить от *палки* исключительно побои, а следовательно, не может относиться к ней положительно. Польская ФЕ является усеченным вариантом поговорки, поэтому раскрыть ее ВФ можно только при обращении к полному варианту – *Kochać jak psy dziada w ciasnej ulicy* ‘Любить как псы деда в тесной улице’. Подобные способы фразеоморфизации встречаются и в русском

языке: напр., *чудеса в решете* от *Чудеса в решете – дыр много, а выскочить некуда*. Примечательно, что если в русской ФЕ *собака* выступает в качестве пострадавшей стороны, то в польской – наоборот (*исы* способны загрызть человека, встретившегося им на тесной улице, т.е. проявить агрессию по отношению к нему);

- рус. *не лезть за словом в карман* ‘быть находчивым в любом разговоре или споре’ – пол. *(nie) zapominać języka w gębie* ‘(не) замолкать’ (досл. ‘(не) забывать язык во рту’). Обе ФЕ различаются и в плане выражения, и в плане содержания. Русская ФЕ зафиксирована в словаре с частицей *не*, тогда как польская является утвердительной, поэтому использование отрицательной частицы *nie* придает ей противоположное значение. Если польская ФЕ подразумевает наличие или отсутствие самого факта осуществления речевой деятельности (при этом выражение обычно употребляется в тех случаях, когда субъект действия замолкает неожиданно, в результате какого-то недоразумения), то русская характеризует собеседника и его когнитивные способности – умение подобрать нужное слово или убедительный аргумент в любой ситуации. Различна и образная составляющая обоих выражений. Русский аналог сопоставляет умственную деятельность с поиском нужной вещи, тогда как польская метафоризирует сам процесс артикуляции. Это напрямую связано со значениями каждой из ФЕ;
- рус. *глаза на лоб вылезли* ‘высочайшая степень удивления’ – пол. *oko zbieleło* ‘восторг, вызывающий удивление, граничащее с завистью’ (досл. ‘глаз побелел’). Несмотря на общую сему ‘удивление’, совокупное значение ФЕ различается. Имеются принципиальные различия и в компонентном составе ФЕ, а также их ВФ. За основу берется один и тот же орган – глаз, но в

русском варианте удивление проявляется в его увеличении, а в польском – в изменении цвета.

Анализ МФА может быть чрезвычайно полезным с точки зрения лингвокультурологии. Так, например, чрезвычайно интересным стал разбор пары аналогов рус. *молоко на губах не обсохло* ‘о том, кто слишком молод и неопытен’ – пол. *koszulę w zębach nosić* ‘кто ведет себя, как ребенок’ (досл. ‘рубашку в зубах носить’). Значение обеих ФЕ имеет немало общего, однако различается оттенками: русский аналог имеет отрицательную коннотацию, в отличие от польского, где проводится сопоставление с типом поведения человека в разном возрасте. Образная составляющая польской ФЕ тесно связана с другим русским выражением – *в сорочке родиться* ‘быть удачливым’. В основе обеих ФЕ лежит общий мотивировочный признак, связанным с народным поверьем. *Рубашкой/сорочкой* называли «оболочку на голове или теле новорожденного младенца» [Алефиренко, Золотых, 2008: 356]. Эту пленку считали талисманом и хранили на протяжении всей жизни. Нередко ее брали с собой в военные походы, а повитухи даже продавали такие оболочки богатым людям.

Примечательно, что ФЕ с таким же смыслов существуют не только в славянских, но и в европейских лингвокультурах. Так, во французском и немецком языках функционируют аналогичные по смыслу ФЕ, однако *рубашку* здесь заменяет *чепчик* или иной головной убор. Такая метафоризация вполне логична: пленка у новорожденного находится на голове и вполне может ассоциироваться с головным убором. Славянское лингвокреативное мышление переносит значение по более сложным признакам. Однако интересно заметить, что в польском языке успешно функционирует не только уже упомянутая ФЕ *koszulę w zębach nosić*, но и другая – *w czepku się urodzić się* (досл. ‘в чепчике родиться’). Она является МФЭ немецкой и французской ФЕ. Это демонстрирует особое положение польской лингвокультуры, вбирающей в себя славянские и европейские элементы.

Наличие подобных МФА демонстрирует наличие в рассматриваемых лингвокультурах разных образов, закрепленных за идентичными или схожими понятиями. Сопоставление МФА с разными компонентами позволяет определить, какой образ является более значительным для того или иного этноса.

2.1.3. Безэквивалентные ФЕ

Безэквивалентные ФЕ (далее – БФЕ) являются самыми ценными для лингвокультурологического исследования. Неслучайно Е.Ф. Арсентьева отмечает, что в них «воплощены особенности психологии, способа мышления, специфические условия развития материальной и духовной жизни народов» [Арсентьева]. К сожалению, БФЕ в числовом плане занимают незначительное место во фразеологическом фонде каждого языка. Именно поэтому их вычленение из художественного текста представляет собой такую непростую задачу.

Особое внимание уделяется способам перевода БФЕ. Р.А. Аюпова выделяет следующие [Аюпова, 2004: 4]:

1. Калькирование – представляет собой пословный перевод ФЕ. Цель такого способа – донести до читателей образную основу выражения. Уместен он только в том случае, когда мотивировочный признак может быть понятен на языке-реципиенте. Например: *krokwie gryźć* – стропила кусать.

2. Лексический способ – передача значения ФЕ с помощью одной лексемы. Возможен только в том случае, если в лексическом фонде языка-реципиента присутствует необходимое слово. Минусом такого способа становится потеря эмотивной и оценочной коннотации ФЕ. Например: пол. *podszyty wiatrem* (досл. ‘подшитый ветром’) – дырявый.

3. Дескриптивный (описательный) перевод – воспроизведение исходной ФЕ с помощью развернутого словосочетания или предложения. Такой способ позволяет наиболее полно передать семантику ФЕ, но в то же

время не исключает потерю образности и экспрессивности. Пример – пол. *siedzieć w kozie* (досл. ‘сидеть в козе’) – находиться в тюрьме.

4. Комбинированный перевод – перевод ФЕ на язык-реципиент с использованием двух или более способов. Такой перевод не встречается в художественном тексте, он служит исключительно для справки. Например: *hetka-pętelka* – «кляча-петелька», никчемный человек. Здесь совмещается калькирование и дескриптивный перевод.

Число БФЕ, обнаруженных в анализируемых текстах Г. Сенкевича, ничтожно мало. Русские БФЕ встречаются относительно редко. Это связано с тем, что оригинальные тексты написаны на польском языке, а следовательно, использование русских БФЕ становится исключительно волей переводчика, который стремится внести в текст дополнительную образность или же хочет сократить развернутое высказывание емким выражением. Принципиально важным для понимания смысла БФЕ и ее ВФ становится развернутый комментарий.

Одной из самых ярких русских БФЕ становится *гол как сокол* ‘крайне беден’. Безусловно, в польском языке также можно встретить выражения, характеризующие тяжелое материальное состояние, однако приведенный нами пример интересен тем, что он иллюстрирует именно русские реалии. Слово *сокол* обозначало стенобитное орудие, выполненное в виде окованного металлом бревна или же чугунного бруса. Гладкая поверхность этого орудия и породила ФЕ. В польском варианте на этом месте употреблена лексема *goły* ‘голый’.

Другой БФЕ становится *сквозь огонь и воду* ‘несмотря на любые препятствия’. Существует более полный вариант этой ФЕ – *сквозь огонь, воду и медные трубы*. В польском тексте на месте этого выражения также использована лексема. Интересно, что образ противопоставленных друг другу *огня* и *воды* также встречается в польском фразеологическом фонде, однако используется он для характеристики двух людей с принципиально разными взглядами.

Чрезвычайно интересной становится интерпретация БФЕ *лазаря тянуть* ‘прикидываться несчастным’. Она дважды встречается в переводе рассказа «*Za chlebem*» («За хлебом»), однако оба раза в польском тексте на этом месте воспроизводится одна и та же ситуация: субъект просит милостыню у церкви, исполняя песню. Автор даже включает в текст названия народных песен, которые могли бы быть исполнены у ворот костела. Переводчик М. Вальден упростил для русского читателя эти конструкции, включив в текст более понятный ему образ. ФЕ *лазаря тянуть* появилась на основе ситуации, родственной той, что включена в тексты Сенкевича: при выпрашивании милостыни в царской России часто исполнялась песня, созданная по мотивам известной евангельской притчи о Лазаре. Таким образом, эта ФЕ хоть и имеет связь с библейским сюжетом, но весьма опосредованную.

Одной из самых ярких польских БФЕ стала *siedzieć w kozie*. На русский текст она переведена дескриптивным способом – *сидеть в тюрьме*. ВФ этого выражения совершенно непонятна для русской лингвокультуры. Даже носитель польского языка с трудом может выявить мотивировочный признак, положенный в основу данной ФЕ, т.к. она возникла в результате ошибки: на месте *koza* первоначально находилась *kloza* ‘тюрьма’ (образовано от лат. *clousa* ‘закрытие’). Замена слова произошла в результате созвучия, а впоследствии ФЕ претерпела дополнительную метафоризацию и стала функционировать в лексиконе школьников.

Не менее интересным представляется изучение БФЕ *hetka pętelka* ‘пустой человек’. В современном польском языке она пишется через дефис, однако во времена Г. Сенкевича использовалось раздельное написание, которое и встречается в его текстах. Дословный перевод ФЕ – ‘кляча-петелька’. Слово *hetka* приобрело переносное значение достаточно рано: еще несколько столетий назад так нередко называли незначительного, бедного человека. Со временем к нему прибавилось *petelka*. Возможно, это произошло из-за рифмы, однако более вероятно, что причиной стала

специфика литовских войск: золотая или серебряная петля служила знаком отличия. Воин-простолюдин имел плохую лошадь (*hetku*), а следовательно, носил наименее престижную петлю.

БФЕ *podszyty wiatrem* ‘дырявый, ветхий’ (досл. ‘подшитый ветром’) возникла на основе метафоры: в дырявую одежду попадает ветер, который и «подшивает» прорехи. В русском языке можно встретить отдаленно схожие ФЕ, однако единицы с идентичной семантикой и ВФ нет.

Подробный анализ русских и польских БФЕ позволяет заметить, что в их состав обычно входит специфично-бытовая лексика, а в основу заложены национальные традиции, стереотипы и представления. С точки зрения стилистики, такие ФЕ чаще всего имеют просторечную окраску. Это вполне объяснимо: подобные выражения возникают в народном сознании и преимущественно бытуют в бытовой среде.

2.2. Особенности авторского употребления ФЕ в текстах

Язык художественных произведений Г. Сенкевича отличается глубокой образностью и нестандартностью. Отмечается большое количество оригинальных окказиональных сравнений, постоянное обращение к клишированным формам, связанным с религиозным сознанием носителя языка (*Jezus, Marya* ‘Иисусе, Мария’, *mój Boże* ‘мой Боже’ и т.д.).

Не остались вне поля зрения автора и ФЕ. Сенкевич активно обращается к национальному фразеологическому фонду, не только включая ФЕ в повествование, но и преобразовывая их. Нередко писатель создает окказиональные ФЕ, характеризующиеся высокой степенью эмотивности и оценочности:

Одна из таких ФЕ – «*żydy*» *wozić* (досл. ‘евреев возить’) – ‘низко поклониться’: *Ale wkrótce umilkł i zaczął «żydy» wozić* [Sienkiewicz]. В русском переводе Н. Подольской ей соответствует ФЕ *носом клевать* ‘дремать, борясь со сном’: *Но вскоре он замолчал и стал клевать носом* [Сенкевич, 57: 321]. Употребление данной польской ФЕ не зафиксировано более ни в одном

источнике, кроме «Словаря Генрика Сенкевича». Такое выражение становится авторским проявлением национальных стереотипов, связанных с взаимоотношениями с другими этносами. В то же время оно не несет в себе отрицательной коннотации и является сугубо просторечным (неслучайно автор употребляет его для характеристики персонажа «из народа»).

Следующей авторской ФЕ является *przewrócić kozła z gniewu* (досл. ‘перевернуть козла от гнева’) – ‘сильно разозлиться’ (*W tem usposobieniu wchodzi do cyrku, a widząc konia nierobiącego nic i stojącego ze znudzoną miną pod parapetem, ma ochotę przewrócić kozła z gniewu*) [Sienkiewicz]. Эквивалентом этого выражения в переводе И. Добровольской стала ФЕ *лопнуть от злости* с аналогичным значением: *В подобном состоянии маэстро вошел в цирк и, заметив лошадь, праздно стоящую около барьера, готов был лопнуть от злости* [Сенкевич, 1957: 343]. ВФ польской ФЕ обусловлена особенностью окказионального мышления. Следует отметить, что использование образов животных являются одной из отличительных черт идиостиля Г. Сенкевича. Особенно часто фигурируют те ФЕ, где присутствуют животные с негативной коннотацией: *собака* (традиционный образ для обценной польской лексики), *волк*, *козел* и т.д.

Окказиональные ФЕ Г. Сенкевича нередко связаны с мотивом игры. Примером могут послужить выражения *grać w ślepą babkę* (досл. ‘играть в слепую бабку’) и *pokazać na palcach: zyg, zyg, zyg* (досл. ‘показать на пальцах: зиг, зиг, зиг’). Игровое начало демонстрирует шутливо-ироничный тон повествования.

Аналогом ФЕ *grać w ślepą babkę* в переводе Е. Рифтиной служит *играть в прятки* ‘хитрить, избегать серьезного разговора’: *да, мы оба играем в прятки, вместо того, чтобы поговорить откровенно и искренно, как в былые времена* [Сенкевич, 1957: 100]. В исходном тексте выражение употреблено в том же значении: *oboje gramy z sobą w ślepą babkę, zamiast rozmawiać szczerze i z ufnością, jak za dawnych czasów* [Sienkiewicz]. Примечательно, что выражение *ślepa babka* само по себе представляет собой

устойчивое наименование игры *ciuciubabka*, т.е. служит отдельной ФЕ. Сенкевич удваивает эту метафоризацию, включая его в существующую модель: в польском языке существуют «игровые» ФЕ *grać w kotka i myszkę* и *grać w ciuciubabkę*. Однако семантика обозначенных выражений несколько иная: они подразумевают сознательное лукавство и обман. Получается, что Сенкевич фактически объединяет структурно-семантические модели русских и польских ФЕ в своем окказиональном выражении.

Игровое начало присутствует и в ФЕ *pokazać na palcach: zyg, zyg, zyg*, замененной в переводе Е. Рифтиной на *показать нос* ‘дразнить кого-либо’: пол. *Co do mnie byłem uradowany z całej duszy i gdyby tylko uchodziło, jakżebym chętnie był pokazał Hani na palcach: zyg, zyg, zyg!* [Sienkiewicz]; рус. *А я обрадовался от всей души и, если б только это подобало, с великим удовольствием показал бы ей нос* [Сенкевич, 1957: 120]. Словоформа *zyg-zyg* функционирует в разговорном польском языке, имея значение ‘жест, используемый для дразнения детей или доказательства чьей-либо неправоты’. Словосочетание *pokazać na palcach zyg-zyg* может употребляться и в прямом значении, однако в тексте Г. Сенкевича приобретает дополнительный смысл. Примечательно, что эта окказиональная ФЕ также имеет просторечный оттенок.

Переосмысление существующих ФЕ – еще одна особенность идиостиля Г. Сенкевича. Так, например, оригинально обыгрывается уже упоминавшаяся нами ФЕ *душа ушла в пятки* (*duch skierował się ku ramionom*). Описывая перемены состояния героя, писатель не только использует эту ФЕ, но и иронично обыгрывает ее: *избавившись от страха, Душа его покинула пятки и вернулась на свое место* [Сенкевич, 1957: 120] (пол. *Duch z ramienia wstąpił tu napowrót w piersi* [Sienkiewicz]). Автор разрушает ВФ существующей ФЕ, демонстрируя «обратный путь» *души*. Интересно здесь и сопоставление русской и польской ФЕ: если в русском варианте *душа* движется от *пяток* к «своему месту» (в русской культуре место души традиционно определяется в районе груди), то в польском – от *плеч* к *груди*.

Получается, что несмотря на разные представления о перемещении души испугавшегося человека, коренная установка остается идентичной: оба народа помещают *душу* в область грудной клетки, ближе к сердцу.

Анализируя особенности употребления ФЕ автором, важно учитывать условия, в которых создавались произведения. Изучаемые нами тексты были написаны в промежуток между 1880 и 1889 годами. Этот период в истории Польши ознаменован немецкой оккупацией, участием в военных действиях и внутренними преобразованиями. Все это, а также личный опыт писателя (жизнь в обедневшей дворянской семье, командировки в США и т.д.) отразилось в сюжете и языковой специфике произведений. Так, например, в рассказах «американского цикла» ФЕ употребляются крайне редко и носят преимущественно негативную коннотацию. Образные описания, связанные с тяжелой жизнью польского народа, наоборот постоянно сопровождаются устойчивыми выражениями, преимущественно эмоциональными.

Учитывая, что в поле нашего зрения оказались не только оригинальные, но и переводные тексты, большой интерес для анализа представляют также личности переводчиков. Нами исследовались переводы Е.М. Рифтиной, Е. Карловой, Н.Я. Подольской, В.Г. Короленко, И. Добровольской, В. Ратнер, М. Вальдена, П. Ахромовича, М. Лещинской и В. Лаврова. Большинство из них работали в первой половине XX века на территории СССР. К сожалению, сведений о личности переводчиков, позволяющих составить максимально полную картину, нет.

Перевод рассказа «Янко-музыкант» выполнен известным писателем В.Г. Короленко. Писатель подошел к задаче творчески и самостоятельно расставил акценты в образной составляющей произведения. В русском варианте текста употребление ФЕ минимально – переводчик предпочитает использовать вместо них метафоры и эпитеты.

Большой интерес представляет сопоставление двух переводов одного и того же произведения. Нами было произведено сравнение переводов рассказа «Старый слуга», выполненных В. Лавровым и Е. Рифтиной. Текст Лаврова

был создан значительно раньше. Отмечается стремление переводчика воспроизвести польские ФЕ дословно, поэтому он прибегает к калькированию даже в тех случаях, когда в русском языке существует эквивалент или аналог. Е. Рифтина же наоборот предпочитает подбирать яркие ФЕ и даже заменять ими польские лексемы.

Таким образом, анализ индивидуально-авторских особенностей употребления ФЕ в тексте позволяет определить акценты, присутствующие в этноязыковом сознании конкретного представителя этноса. Результаты исследования показывают, что ценностные доминанты окказиональных выражений идут в одном направлении с доминантами этноязыкового сознания поляков в целом. Учитывая, что в каждом из переводных текстов проявляется индивидуальность переводчика, можно сделать вывод о том, что их изучение позволяет пролить свет и на сознание русского этноса.

2.3. Свойства русско-польских фразеосемантических полей

Полевой подход является одним из самых продуктивных методов исследования в лингвистике. Он позволяет получить полное представление о функционировании системы языка в целом и отдельных ее элементов. Именно поэтому в работах отечественных и зарубежных лингвистов (Й. Трира, В. Порцига, Н.А. Сабуровой, А.К. Бириха и др.) большое внимание уделяется теории поля в целом и учению о фразеосемантических полях в частности.

Полевая модель традиционно применяется для изучения лексики. Свое распространение она получила во второй половине XX века с развитием теории поля. Основные труды в этой области принадлежат Ю.Н. Караулову и Г.С. Щуру. Она рассматривает разные виды полей, функционирующих в лингвистике. В лексике, по мнению Г.С. Щура, ведущую роль играют ассоциативные поля. В то же время она не отрицает существование полей иного рода – семантических, связывая их теоретическое обоснование с трудами Г. Ипсена и Ш. Балли. Исследователь приводит разные варианты

трактовок поля. Согласно одной из них, оно представляет собой «совокупность взаимозависимых фактов» [Щур, 1974: 97].

Существуют разные подходы к трактовке поля в лингвистике. А.М. Кузнецов понимает его как «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кузнецов]. Н.Ф. Алефиренко, характеризующий собственно лексико-семантические поля (ЛСП), предложил собственное определение: «ЛСП – это иерархически организованная система лексических единиц, объединённых общим (инвариантным) значением и представляющих в языке определенную понятийную сферу» [Алефиренко, 2012: 239].

Методика работы с полем подходит и для работы с фразеологическим составом языка. В связи с этим возникает необходимость составления фразеосемантических полей (далее – ФСП). По мнению И.И. Синельниковой и С.А. Андросовой, ФСП «является одной из частей ЯКМ, в создании которой, наряду с лексическими единицами, активное участие принимают фразеологизмы» [Синельникова, Андросова, 2014: 123]. Под *фразеосемантическим полем*, вслед за Н.А. Сабуровой, мы будем понимать «совокупность ФЕ, объединённых общим семантическим признаком» [Сабурова, 2002: 82]. Достаточно полным и глубоким представляется также определение ФСП, предложенное И.А. Волошкиной. Она называет ФСП «структурной организацией совокупности фразеологических единиц, которые находятся в определенных системных отношениях и объединяются общностью семантической темы и общностью выражения одного понятия» [Волошкина].

Структура любого ФСП имеет несколько обязательных компонентов. Сюда входят ядро (интенционал) и периферия (импликационал). Нередко в состав ФСП входят дополнительные микрополя. В ядро включаются наиболее общие по значению ФЕ, наиболее часто употребляющиеся в языке.

Они практически не зависят от контекста, имеют нейтральную стилистическую окраску. Самые частотные ФЕ составляют центр ядра. Характеризуя особенности ЛСП, И.И. Чумак-Жунь обозначила микрополя как «семантические объединения, члены которых связаны интегральным признаком, выражаемым обычно доминантой микрополя» [Чумак-Жунь]. Структура микрополя такая же, как и у всего поля в целом.

Периферия может быть ближней и дальней. Ближняя периферия по своим характеристикам почти соответствует ядру (принципиальная разница заключается в частоте употребления ФЕ), тогда как в дальнюю входят не только редкие ФЕ, но и выражения с высокой степенью эмоциональности, просторечные и т.д.

В результате анализа выбранных произведений Г. Сенкевича нами были выделены следующие ФСП:

- ‘действие’;
- ‘мыслительная деятельность’;
- ‘знание’;
- ‘речевая деятельность’;
- ‘характеристика действия’;
- ‘характеристика человека’;
- ‘эмоции’ (с выделением микрополей ‘страх’, ‘радость’, ‘грусть’, ‘гнев’, ‘другие эмоции’);
- ‘чувства’ (с выделением микрополей ‘любовь’, ‘ненависть’, ‘горе’, ‘другие чувства’);
- ‘отношение к объекту речи’;
- ‘состояние’;
- ‘количество, мера и степень’;
- ‘время и пространство’ (с выделением микрополя ‘дом’);
- ФЕ, не относящиеся ни к одному из выше обозначенных полей.

Выделенные нами поля наглядно демонстрируют антропоцентрический подход в лингвистике: каждое из них так или иначе связано с человеком, его внешней и внутренней, когнитивной деятельностью. Более того, каждое из полей взаимодействует с другими, поэтому отнести периферические ФЕ к конкретной группе бывает весьма затруднительно.

Более наглядно соотношение выявленных нами ФСП можно представить на схеме [Рисунок 2]:

Рисунок 2. Фразеосемантические поля

Такая облачная схема позволяет наглядно изобразить взаимодействие ФСП. Размер элементов схемы демонстрирует объем ФСП и его значимость. Так, ведущими полями становятся 'действие' и 'состояние'. Они становятся своеобразными центрами для других полей.

Поле 'действие' непосредственно пересекается с полями 'речевая деятельность' и 'мыслительная деятельность', которые также взаимодействуют друг с другом (это связано с когнитивной

обусловленностью речи человека). Примером такого взаимодействия может служить ФЕ *rozpuszczacie język* (досл. ‘распускать язык’; ‘говорить лишнее’; рус. *много воли давать языку*). Она демонстрирует *действие*, связанное с процессом *речепроизводства* и обусловленное особым ходом *мышления* говорящего.

Поле ‘мыслительная деятельность’ продуцирует поле ‘знание’. ФЕ, относящиеся к нему, не только характеризуют отношение субъекта речи к науке, учению и процессам овладения новой информацией (напр., рус. *кладезь мудрости*, пол. *ocean mądrości* (досл. ‘океан мудрости’)), но и демонстрируют степень уверенности говорящего в том или ином факте действительности. Эта уверенность непосредственно базируется на наличии или отсутствии у субъекта речи необходимых знаний: рус. *черт весть где*, пол. *dyabeł wie nie gdzie* ‘неизвестно где’.

Поле ‘знание’ порождает поле ‘время и пространство’. Сведения об окружающем мире, которые находятся в сознании носителя языка, позволяют ему познавать действительность и, следовательно, вырабатывать собственные критерии для ее систематизации и оценки. Так, например, далекий объект расположен *за тридевять земель* (пол. *dziwięta granica*, досл. ‘девятая граница’), а нужный момент для действия называется *своим временем* (пол. *w swoim czasie*, досл. ‘в свое время’).

Внутри поля ‘время и пространство’ мы дополнительно выделили микрополе ‘дом’. Оно отражает отношение носителей языка к дому как к самой большой ценности, воплощению связи со своей семьей и Родиной. Неслучайно чаще всего в таких ФЕ фигурирует слово *гнездо*: рус. *родное гнездо*, пол. *rodzinnej gniazda, ojczyste gniazdo*.

Оценка окружающей действительности обуславливает необходимость выделения поля ‘количество, мера и степень’. Такие ФЕ могут характеризовать любую сферу жизни человека: количество каких-либо предметов (рус. *тьма-тьмуца*, пол. *chmara jest* ‘много’), силу осадков (рус. *полил как из ведра*, пол. *lunął jak z cebra* ‘сильно полил (о дожде)’), низком

уровне материального благосостояния (рус. *в карманах ветер свистел*, пол. *w kieszeniach wiatr nosi* ‘о бедности’) и др. Подобная оценка производится при помощи органов чувств, поэтому в зоне пересечения оказывается ФСП ‘чувства’. Оно имеет ряд микрополей: ‘любовь’, ‘ненависть’, ‘горе’, ‘другие чувства’. По результатам нашего исследования микрополя ‘любовь’ и ‘ненависть’ выступили лакунами. Это связано не только с более низкой распространенностью таких ФЕ, но и с тем, что Г. Сенкевич стремился метафоризировать не столько сами чувства героев, сколько их отношение к ним. В то же время микрополе ‘горе’ является достаточно развитым. Это становится одной из характеристик установок носителей языка, привыкших ярко и образно воссоздавать происходящие в жизни негативные события. Пессимистичность настроения – отличительная черта и русского, и польского этносов.

Достаточно полным является микрополе ‘другие чувства’. Оно находится на периферии и граничит с полем ‘эмоции’. Сюда вошли ФЕ как отрицательной, так и с положительной окраской. Они могут отражать удовольствие (рус. *на седьмом небе*, пол. *w siódmém niebie*), затяжную тоску (рус. *носить в сердце*, пол. *nosić w sercu*), побуждение к действию (рус. *собраться с духом*, пол. *zebrać odwagę*) и др.

Если чувства представляют собой более стабильное состояние человека, то эмоции характеризуются быстротечностью. Периферия обоих полей практически стирает грань между ними. Поле ‘эмоции’ содержит в себе такие микрополя, как ‘страх’, ‘радость’, ‘грусть’, ‘гнев’ и ‘другие эмоции’. Очевидно, что негативные состояния в сознании носителей языка вновь являются преобладающими. Это демонстрирует не только соотношение микрополей, но и их наполненность (микрополе ‘радость’ включает в себя меньше всего ФЕ). Интересно, что в микрополе ‘страх’ доминирует образ *души* (напр., рус. *душа ушла в пятки*, пол. *duch skierował się ku ramię*), в микрополе ‘гнев’ – *крови* (напр., рус. *кровь бросилась в*

голову, пол. *krew uderzyła do głowy*), а в микрополе ‘грусть’ – *сердца* (напр., рус. *сжималось сердце*, пол. *serce ścisnęło*).

Микрополе ‘другие эмоции’ также является периферическим. Оно характеризуется минорным настроением и отражает негативную реакцию человека на те или иные события.

Поле ‘эмоции’ тесно связано с полем ‘отношение к объекту речи’. Это вполне объяснимо: никакая оценка невозможна без субъективности и личной характеристики объекта. Подавляющее большинство ФЕ связано с негативным отношением говорящего и стремлением нанести вред объекту: рус. *шкуру содрать*, пол. *skóry odarć*; рус. *голову оторвать*, пол. *łebbut ukręcić* и др. Обращает на себя внимание и просторечная окрашенность большей части ФЕ, проявляющаяся в употреблении сниженных лексем.

Данное поле тесно пересекается с другим полем, являющимся одним из доминантных, – ‘состояние’. Оно характеризует ощущения говорящего в момент речи. Тематически это поле связано с ‘чувствами’ и ‘эмоциями’, но отличается более высокой степенью субъективности. Такие ФЕ могут характеризовать не только моральное, но и физическое состояние героя: рус. *затаить дыхание*, пол. *zatomowalić dech w piersiach*; рус. *дрожать как лист*, пол. *drżąc jak liść* и др.

Периферия поля ‘состояние’ пересекается с периферической зоной поля ‘характеристика человека’. В зоне пересечения оказываются ФЕ с ярко выраженной оценочной семантикой, которые характеризуют человека посредством описания его состояния: например, рус. *бледна как полотно*, пол. *bledziusia jak płótno*. Человек в ФЕ, относящихся к этому полю, может описываться с разных позиций: характера (рус. *доброе сердце*, пол. *dobre serce*), привычек (рус. *сорить деньгами*, пол. *wyrzucać pieniądze*), а также оценки, данной другим субъектом (рус. *собачий сын*, пол. *psie kasztanie*).

Это поле тесно связано с соседним – ‘характеристика действия’, которое, в свою очередь, пересекается со вторым доминантным полем –

‘действие’. Это замыкает полевой круг исследованного нами художественного пространства. Действия, как и их характеристики, в текстах Г. Сенкевича чрезвычайно разнообразны. Чаще всего они связаны с бытовой сферой, поэтому нередко носят сниженную окраску: рус. *заморить червячка*, пол. *zalać robaka*; рус. *насть разинуть*, пол. *gębę otwierać* и др.

Безусловно, взаимодействие ФСП друг с другом не ограничивается только обозначенными нами связями. Оно гораздо многограннее. Так, например, тесное сходство имеют поля ‘характеристика действия’ и ‘отношение к объекту речи’, ‘характеристика человека’ и ‘эмоции’ и др.

Выявить ценностные доминанты этноязыкового сознания позволяет изучение соотношения частотности использования ФЕ, относящихся к каждому из обозначенных ФСП. Сделать это более наглядно позволяет диаграмма [Рисунок 3]:

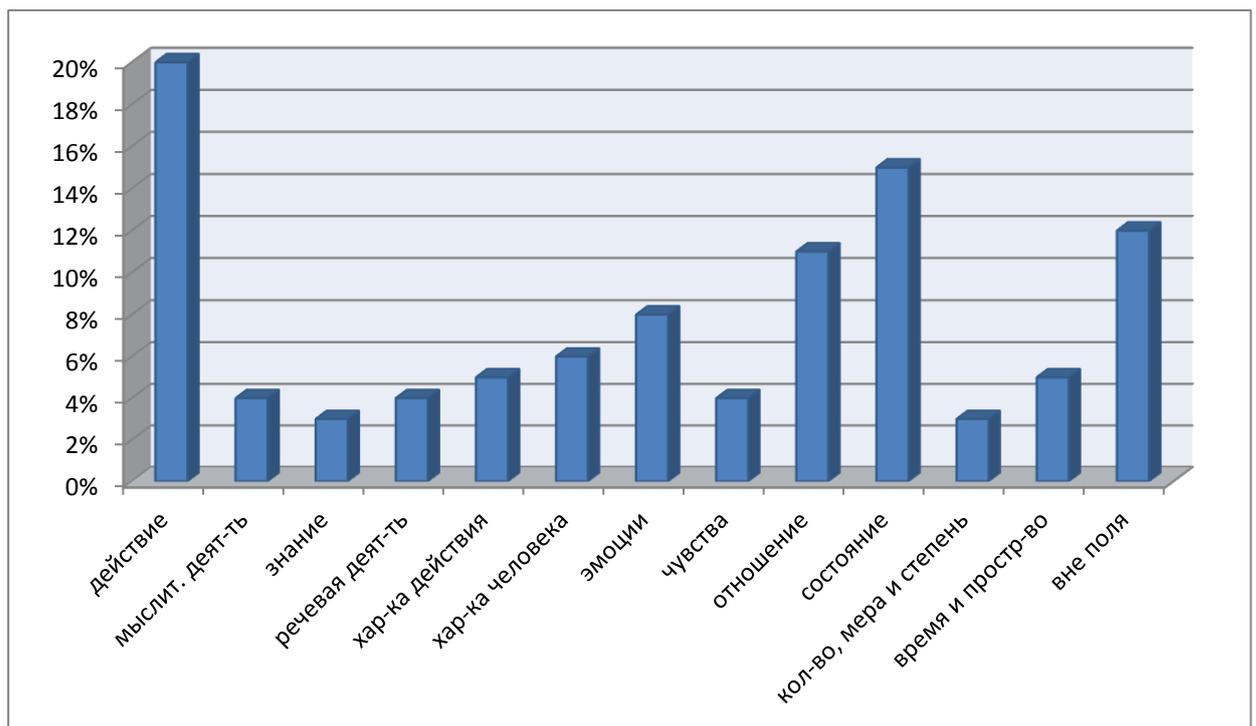

Рисунок 3. Соотношение фразеосемантических полей

Очевидно, что самыми наполненными полями, как уже говорилось ранее, являются ‘действие’ (20%) и ‘состояние’ (15%). Эти ФСП в большей мере характеризуют жизнь человека и важнейшие для него понятия, что и вызвало такую частотность их употребления. Более того, сознанию

славянина свойственно тяготение к словам с семантикой действия. Неслучайно даже чувства и эмоции нередко описываются посредством характеристики деятельности субъекта.

Наименьшая доля ФЕ приходится на ФСП ‘знание’ и ‘количество, мера и степень’ (по 3%), а также ‘мыслительная деятельность’, ‘речевая деятельность’ и ‘чувства’ (по 4%). Относящиеся к ним ФЕ связаны с когнитивными процессами, происходящими в этноязыковом сознании, что и обуславливает их более осторожное употребление.

Значимая часть изученных ФЕ (12%) не вошла ни в одно из обозначенных полей. Преимущественно это абстрактные выражения, связанные с использованием религиозной лексики и библейских образов: рус. *бог дал*, пол. *Bóg dał*; рус. *бог в помощь*, пол. *Boże dopomóż*; рус. *запретный плод*, пол. *zakazany owoc* и др. Связь с религиозной картиной мира (далее – РКМ) обуславливает их многогранность и неоднозначность, что затрудняет выделение отдельного ФСП. Нередко такие ФЕ носят характер риторических обращений или восклицаний, что роднит их с полем ‘эмоции’.

Таким образом, выделение ряда ФСП позволило нам выявить основные акценты русско-польского этноязыкового сознания. На первый план выходят ФЕ с семантикой действия, а также те, которые позволяют отразить моральное и физическое состояние человека. Труднее всего метафоризируются реалии окружающей среды – возможно, это связано с высокой степенью их объективности. Ряд ФЕ выходит за рамки выделенных ФСП, что обуславливается высокой степенью абстрактности подобных выражений.

2.4. Лингвокультурная ценность ФЕ

Ранее мы уже выделяли ряд ФЕ, представляющих наибольший интерес с точки зрения лингвокультурологии. Они максимально концентрируют в себе проявления этноязыкового сознания, содержат следы культурных и бытовых реалий, указывают на доминантные концепты и т.д. На материале

нашего исследования были выделены следующие группы ФЕ, являющихся наиболее значимыми для выявления ценностных акцентов этноязыкового сознания:

- ФЕ, связанные с мифологическими и библейскими сюжетами;
- ФЕ с теонимами и демонами;
- ФЕ с соматизмами;
- паремии.

Наиболее полной является вторая группа. Это становится еще одним подтверждением антропоцентрических тенденций во фразеологии. Стремление человека представить реалии через призму собственного миропонимания заставляет его использовать образы, связанные с ним же самим.

2.4.1. ФЕ, связанные с мифологическими и библейскими сюжетами

Данная группа ФЕ представлена достаточно скудно. Это связано с тем, что такие выражения, в большинстве своем, имеют возвышенную стилистическую окраску, а следовательно, реже употребляются в повседневной речи и художественной литературе (фразеологии в целом свойственно тяготение к разговорному стилю). Для идиостиля Г. Сенкевича это утверждение особенно значимо. К возвышенной стилистике он обращается крайне редко.

Библейские ФЕ преимущественно связаны ужасами, которые могут ожидать грешника после смерти: рус. *страшный суд*, пол. *straszny sąd*; рус. *человеческая геенна*, пол. *Gehenna ludzka*; рус. *судный день*, пол. *sądny dzień* и др. Это демонстрирует особенности славянской религиозной картины мира, характеризующейся боязливым отношением ко всему, что связано с потусторонними силами в любом их воплощении.

Негативная коннотация присутствует практически во всех найденных нами ФЕ, связанных с библейской тематикой. Преимущественно они иллюстрируют страдания человека и его борьбу с трудностями.

Определенным исключением выступает ФЕ *хлеб насыщий* (пол. *chléb powszedni*), но и ее ВФ включает в себя осознание трудности бытия, постоянных хлопот, направленных на получение чего-то необходимого для жизни.

Библейская тематика может проявляться в ФЕ не прямо, а опосредованно. Таковы, например, ФЕ с ключевым образом *крест*, который соотносится с распятием Иисуса Христа. Это обуславливает и семантику подобных ФЕ: все они связаны с тяжелыми жизненными обстоятельствами (например, рус. *нести крест*, пол. *niósić krzyż*) или плохим состоянием человека (например, рус. *как с креста снятый*, пол. *jak z krzyża zdjęty*).

К библейским ФЕ тесно примыкают выражения, имеющие в своем составе церковную лексику или отражающие отношение народа к представителям духовенства. Это касается, например, ФЕ *беден, как церковная мышь* (пол. *ubogi, jak mysz kościelna*) – ‘очень беден’. Она встречается в разных европейских языках и связана с конкретным знанием народа о церковных реалиях: отсутствие продуктовых погребов вынуждает мышей голодать в здании церкви.

С подобными ФЕ соотносятся выражения, в основу которых легли конкретные исторические события. Промежуточное положение занимает уже упомянутая ФЕ *тянуть лазаря*. С одной стороны, она соотносится с евангельским сюжетом, но с другой, причиной появления ФЕ выступил не он, а историческая действительность.

К историческим реалиям восходит и ФЕ *пальма первенства* (в оригинальном тексте Г. Сенкевича она названа просто *пальмой*: ... *teraz ja wprawdzie kosztem moich łokci i kolan odebrałem mu tę palmę* [Sienkiewicz]). Она связана с существовавшим в Древней Греции обычаем награждать победителей состязаний ветвью пальмы – символом богини победы Ники.

С Древней Грецией связана и ФЕ *на седьмом небе* (пол. *w siódmém niebie*) – ‘испытывать состояние блаженства’. Она появилась на основе концепции Аристотеля об устройстве мира: небо состоит из семи

кристалльных образований в виде сферы. Соответственно, седьмая находится выше всех. Примечательно, что подобное мировоззрение присуще не только грекам, но и представителям других этносов, считавших седьмой небесный ярус наиболее близким к Богу (NB: число «семь» в славянской культуре имеет сакральный смысл и считается самым счастливым).

ВФ обеих упомянутых нами ФЕ зачастую ошибочно соотносят с древнегреческими мифами. Возможно, это заблуждение связано с идентичной локализацией места зарождения образа. Собственно мифологическая ФЕ в нашем исследовании встретилась лишь однажды, поэтому сделать выводы о специфике употребления подобных выражений в славянской культуре мы не можем. Это ФЕ *разрубить гордиев узел* (пол. *rozciąć węzła gordyjskiego*) – ‘разрешить сложное дело быстро и прямолинейно’.

2.4.2. ФЕ с теонимами и демонимами

Эта группа лингвокультурно значимых ФЕ тесно связана с предыдущей, ведь она также находится на стыке РКМ и ЯКМ. Под *теонимами* понимаются не только собственные имена божеств (*Артемида, Перун* и т.п.), но и все их нарицательные обозначения в целом (*Бог, ангел* и т.п.). Им противопоставлены *демони́мы*, служащие для номинации отрицательных религиозных образов (в христианстве – *черт, демон*, в язычестве – *леший, кикимора* и т.д.). Эти лексемы позволяют узнать больше не только о специфике религиозной картины мира конкретного этноса, но и раскрыть ценностные доминанты этноязыкового сознания через призму мировоззрений.

На территории России и Польши основной религией является христианство, однако русские исповедуют православие, а поляки – католичество. Это обуславливает совпадение ключевых образов – Бог, черт, ангел, дьявол и т.д. – при наличии некоторых различий в религиозном сознании представителей каждого из этносов. Однако оценивая влияние РКМ

на ЯКМ русских и поляков важно помнить, ранее на территории обоих государств было распространено язычество, черты которого до сих пор прочно закреплены в сознании, причем Польша была крещена на несколько столетий позже, а следовательно, языческие стереотипы занимают более значимое место. Это создает определенные сложности при определении происхождения ВФ ФЕ с теонимами и демонимами, ведь компоненты могут иметь как христианские, так и языческие корни.

В.М. Мокиенко провел исследование, в результате которого выявил наличие ФЕ, которые «явно опровергают «изнутри» христианские семантические напластования и возвращают нас именно к языческим представлениям о богах» [Мокиенко, 1986: 137]. Такими ФЕ являются *Бог мой*, *Боже мой*. Они чрезвычайно распространены как в русском, так и в польском языках (пол. *mój Boże, dla Boga*). Причины подобного явления кроются в постепенном вращении одной мифологии в другую. Б.А. Рыбаков характеризует этот процесс так: «Новое не вытесняет старого, а наслаивается на него, добавляется к старому. Анализ показывает, что в сумме религиозных представлений позднейших эпох обязательно присутствуют в том или ином виде представления предшествующих эпох. Они могут быть ослаблены, отодвинуты на второй план, несколько трансформированы, но остаются ощутимыми почти до наших дней» [Рыбаков, 1974: 4].

Подобные ФЕ являются общеславянскими универсалиями, т.к. используются во всех языках славянской группы. Подтверждением этому служат исследования А. Пеянович, рассматривавшей их на примере русского и сербского языков, а также R. Dźwigoł, изучавшей такие ФЕ в польском языке и его диалектах. А. Пеянович отмечает, что происхождение ФЕ с теонимами и демонимами связано с древними присловиями и закланиями. Значительную часть составляют ФЕ, которые представляют собой «обращения к самому божеству с целью просьбы, выражения благодарности и надежды, ожидания положительного результата в исходе событий» [Пеянович, 2013: 514]. Это обуславливает отсутствие в них денотативного

значения в сочетании с ярко выраженной эмоциональностью и экспрессивностью. ФЕ, построенные на основе клятв, для русской и польской лингвокультур являются достаточно редким явлением (примером может послужить выражение *богом клянусь*).

Несмотря на идентичность определенных компонентов, в разных ФЕ они могут играть разную роль. Так, например, *Бог* зачастую ассоциируется с могущественной доброй силой, старающейся помочь страждущему (напр., рус. *божья милость*, пол. *zmiłowanie Boże*). Но в то же время ему могут этот компонент входит и в ФЕ с иными функциями:

- ФЕ, выражающие усиленную просьбу, мольбу, отражают ситуацию, в которую попадает тот, кому приходится просить, добиваться чего-либо [Пеянович, 2013: 516] (рус. *ради бога*, пол. *na miłość boską*);
- облегчение, радость по поводу завершения того или иного события (рус. *слава богу*, пол. *chwala Bogu*);
- сила, способная наказать и лишить чего-либо (рус. *господь бог отнял*, пол. *Pan Bóg zabrał*);
- предостережение (рус. *побойся бога*, пол. *bój się Boga*) и т.д.

Примечательно, что в большинстве ФЕ, особенно польских, *Богу* присваивается особое значение, максимально дистанцирующее его от простых людей: например, рус. *десница господня*, пол. *ręka Boża*. Это отражает отношение носителей языка к Богу, его надежды и страхи, связанные с ним.

Чрезвычайно богатой является палитра ФЕ с демонидами. R. Dźwigoł провела исследование, посвященное ФЕ с компонентами *черт* и *дьявол*, характеризующим плохого человека. В результате она выявила следующие группы ФЕ [Dźwigoł, 2016: 207]:

- 1) сравнение человека с дьяволом (чертом);
- 2) указание причину того, что он плохой человек
– он поддался искушениям дьявола;

- превратился в дьявола;
- отдал душу дьяволу;
- кто-то «задал ему дьявола»;
- дьявол его создал;

3) указание на близость человека и дьявола – через явление семейного родства человека с дьяволом, близкого знакомства или дружбы, взаимодействия человека с дьяволом, имеющегося характер выгоды;

4) ситуация, когда человек и дьявол представляют собой одно (дьявол во плоти человека или на поверхности его тела);

5) указание на полное подчинение человека дьяволу: человек является его добычей или собственностью;

б) демонстрация радости дьявола из-за сложившейся ситуации.

Изучение подобных ФЕ представляет большой интерес, так как, в большинстве своем, они возникли на основе народных поверий. Так, например, представление об акте, закрепляющем продажу души дьяволу (пол. *cyrograf*) служит основой для ФЕ типа *кто-то в дьявола превратился*. Вера в то, что ведьма может подсыпать что-либо в еду и питье, позволяет понять путь проникновения дьявола в человека, а следовательно, наделения его негативными качествами. Обращает на себя внимание и «родственная» иерархия потусторонних сил: знаменитая *чертовая бабушка* по силе воздействия гораздо мощнее самого *черта*, что совпадает с народными представлениями о распределении полномочий в обычной семье.

Очевидно, что в классическом варианте ФЕ с теонимами имеют положительную коннотацию, а с демонами – отрицательную. Однако это не всегда бывает так. Подтверждением тому служат универсальные модели ФЕ, в которые могут входить так теонимические, так и демонимические компоненты. Самая распространенная из них – *бог/черт его знает* (пол. *Bóg/dyabeł wie*). Значение обеих ФЕ идентично, пренебрежительная коннотация также совпадает. А. Пеянович отмечает, что «причиной такой «аномалии» стали мифологические представления народа, согласно которым с принятием

христианства функции древних языческих славянских богов были перенесены на демонов» [Пеянович, 2013: 517].

Коннотативные особенности ФЕ с демонами тоже не столь однозначны. Так, например, обращает на себя внимание следующий случай употребления подобной ФЕ: *Ох ты, Золзикевич, из тебя бы **вышел** прямо **черт**, а не только помощник ревизора, – ты ведь чуешь, где трава растет* [Сенкевич, 1957: 179] (пол. *Ej ty Zolzikiewicz! z ciebie **byłby** **czort** nie podrewizor, bo ty wiesz jak trawa rośnie* [Sienkiewicz]). Очевидно, что в данном случае *черт* несет в себе одобрительную коннотацию. Такая индивидуально-авторская трактовка становится проявлением особого, нестандартного отношения к потусторонним силам: несмотря на ненависть и боязнь, народ отмечает присущие им положительные качества, а именно, интеллект и умение хорошо устроиваться в жизни.

Чрезвычайно важно обратить внимание и на частность употребления ФЕ с теонимами и демонами. Это позволяет определить акценты этноязыкового сознания носителей русского и польского языков. Нами был проведен статистический анализ подобных ФЕ не только в изучаемых текстах Г. Сенкевича, но и в национальных языковых словарях [Skorupka, 1967; Молотков, 1986]. Результаты представлены на диаграммах [Рисунок 4, 5]:

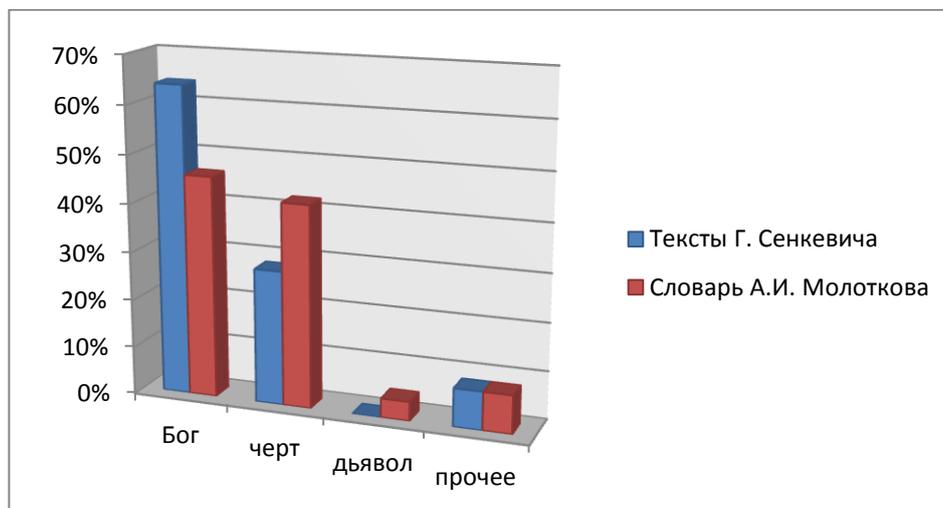

Рисунок 4. Русский язык

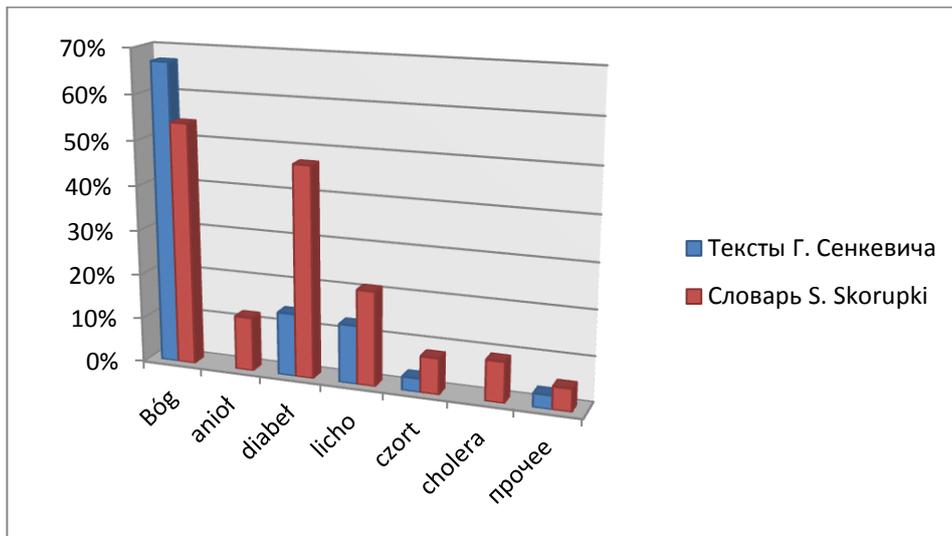

Рисунок 5. Польский язык

Исследование показало, что в целом специфика употребления ФЕ с теонимами и демонидами в русском языке совпадает, однако имеется ряд принципиальных различий. Очевидно, что для польской лингвокультуры характерна большая склонность к употреблению демонимических компонентов. Даже сама палитра подобных слов гораздо шире: если в русский фразеологический фонд преимущественно входят компоненты *черт* и *дьявол* (в единичных возможно употребление слов *лихо*, *шши* и т.п.), то в польский – *diabeł*, *lichy*, *czort*, *cholera* и т.д. Это демонстрирует более высокий уровень страха перед потусторонними силами в польском этноязыковом сознании. Разница проявляется и в составе теонимов. Если в русском языке это только *Бог*, то в польском к нему присоединяется и *anioł* ‘ангел’. Причины такого явления могут быть связаны со спецификой исповедуемой религии. В католичестве образ *ангела* является более приземленным, доступным простому жителю (отсюда столько изображений ангелов в европейской культуре), тогда как в православии под ангелом понимается более высокая сущность.

Интересно проследить различия между соотношением ФЕ в текстах Сенкевича и словарях. Показательно, что для писателя свойственно

тяготение к ФЕ, связанным с теонимами. Большая разница может быть обусловлена несколькими факторами:

1. Временная дистанция – словари отражают состояние русского и польского фразеологического фонда во второй половине XX века, тогда как произведения Г. Сенкевича датированы 80-ми годами XIX века.

2. Индивидуально-авторская КМ – на содержании текстов, а следовательно, а специфике употребленных в них ФЕ, лежит отпечаток не только авторского сознания, но и мировидения переводчиков.

Дополнительным признаком различия ФЕ с теонимами и деонимами в русской и польской лингвокультурах становятся особенности орфографии. Если, согласно русским правилам, слово *Бог* в ФЕ пишется с маленькой буквы (хотя в последние годы начинает набирать обороты противоположная тенденция), то в польском языке – только с заглавной (*Bóg*). Это также может свидетельствовать о более высокой религиозности поляков.

2.4.3. ФЕ с соматизмами

Как уже упоминалось ранее, ФЕ с соматизмами составляют базовую часть фразеологического фонда любого языка. Это связано с тем, что ключевые компоненты – части тела – идентичны у представителей любого этноса, а значит, метафоризация происходит по схожим схемам, хотя один и тот же орган может наделяться разными качествами в зависимости от особенностей коллективной ЯКМ. Неслучайно С. Скорупка относит их к **натуральным фразеологическим оборотам** [Skorupka, 1958: 127].

ФЕ с соматизмами привлекают многих исследователей. Для нас большой интерес представляют работы Н.А. Войтовой, изучавшей ФЕ с конкретными соматизмами в русском и польском языках. Свой интерес к выбранной теме она объяснила не только личными предпочтениями, но и стремление более глубокого познать национальный характер и культуру, ведь подобные выражения «могут иметь определенные отличия, связанные с

национально-культурной обусловленностью этнического взгляда на мир» [Войтова, 2015: 36].

Мы распределили ФЕ, найденные в текстах Г. Сенкевича, по группам в зависимости от ключевого компонента. Соотношение представлено на диаграмме [Рисунок 6]:

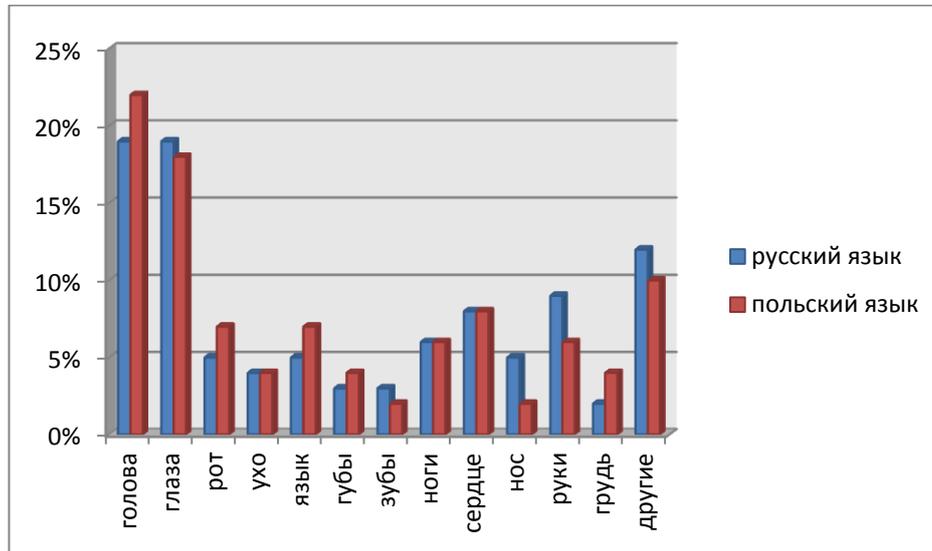

Рисунок 6. ФЕ с соматизмами

Очевидно, что большая часть ФЕ связана с частями тела, отвечающими за мыслительную (*голова* и *глаза* как орган, транслирующий состояние окружающей среды) и речевую деятельность. Особенно ярко это просматривается в польском языке. Общее число ФЕ, включающих в свой состав компоненты, связанные с элементами артикуляционного аппарата (*рот, губы, язык, зубы*) в русском языке составляет 16%, тогда как в польском – 20%.

Представленная нами диаграмма продемонстрировала, что около 10% всех ФЕ с соматизмами заняла группа «Другие». Сюда вошли такие части тела, как *шея* (рус. *надавать по шее*, пол. *thuc po karku*), *горло* (рус. *сжимать горло*, пол. *scisnac za gardlo*), *пятки* (рус. *душа ушла в пятки*, пол. *stawil sie z dusza na ramieniu*) и т.д. Они не являются стандартными для обеих лингвокультур и носят более единичный характер.

Анализ показывает, что когнитивная деятельность в сознании носителей языка занимает лидирующие позиции, что и приводит к активному

образованию ФЕ подобного типа. Ей противопоставлен конкретный физический труд, реализующийся чаще всего в ФЕ с компонентом *рука*. ФЕ такого типа чаще встречаются в русских переводах (9% против 6%). Чтобы более точно выявить коренные различия между русским и польским этноязыковым сознанием, нами было принято решение составить выборку ФЕ с обозначенными компонентами из фразеологических словарей. Результаты представлены в таблице [Таблица 1]:

Таблица 1. Фраземы с компонентами *рот* и *рука*

‘рот’ : ‘рука’

русский язык		польский
110 : 165		132 : 156
Общее количество ФЕ:		
275		288
Из них:		
рот	23 (8%)	48 (17%)
губы	6 (2%)	30 (10%)
зубы	27 (10%)	25 (9%)
язык	54 (20%)	29 (10%)

Несмотря на близость полученных результатов, очевидно, что в русской ЯКМ ФЕ с компонентов *рука* все же играют более значимую роль. Исходя из этого, можно предположить, что для русской лингвокультуры более значимой является практическая деятельность, тогда как для польской – когнитивные процессы и речевая деятельность. Для польского языка также характерна более подробная детализация артикуляционных органов, что приводит к увеличению разнообразия ФЕ. Это подтверждается и исследованием J. Leszczyńska, изучавшей ФЕ с соматонимами в говорах Водзиславского повята (Силезское воеводство) [Leszczyńska, 2010: 237]. Она утверждает, что для народа наибольшую важность имеет именно *голова*, а

уже потом идет лицо и его к компоненты, к которым она и относит органы артикуляции. *Руки* занимают одно из последних мест в исследовании.

Отмечается существенная разница в частотности употребления ФЕ с компонентом *грудь* в польском языке по сравнению с русским. Это также является проявление этнокультурологических особенностей. *Грудь* в славянском сознании связана с местом, где находится душа человека. Здесь же анатомически расположено сердце. Это обуславливает тесную связь *груди* с эмоциональным состоянием человека, что обусловлено и семантикой ФЕ: *serdecznie pierś odkryć* ‘открыть душу’, *rozrywa tu pierś* ‘грудь/душа разрывается’ и т.п.

Интересным представляется изучение МФЭ и МФА среди ФЕ с соматизмами. Так, например, русской ФЕ *словно бельмо на глазу* ‘сильно мешать’ соответствует аналогичная в плане семантики польская *zaraz solą w oku* (досл. ‘словно соль в глазу’). Принцип организации ВФ обеих ФЕ идентичен: речь идет о сильной помехе, однако различается его конкретизация (в русском языке речь идет о бельме – пятне на глазу, а в польском – о соли, попадание которой на слизистую оболочку вызывает сильный дискомфорт). Различие может касаться и основного компонента: например, рус. *намять бока*, пол. *rolatać kości* ‘избить’ (досл. ‘поломать кости’).

Своеобразным может быть употребление ФЕ с соматизмами в авторском тексте. Так, например, ФЕ *баранья голова* (пол. *barania głowa*) – ‘глупый человек’, достаточно часто употребляющаяся в польском языке, в повести Г. Сенкевича «Наброски углем» («*Szkice węglem*») становится именем собственным (*Barania-głowa*) – названием деревни, где разворачивается действие. Это носит символический характер: автор описывает глупость и недалекость жителей населенного пункта, поэтому и вводит в его название ФЕ.

Таким образом, употребление ФЕ с соматизмами становится показателем ценностных доминант каждого из этносов. Принципиальным

становится изучение не только частоты использования конкретного компонента, но и закреплённой за ним функции.

2.4.4. Паремии

В рамках настоящей работы мы придерживаемся широкого понимания фразеологии, предполагающего включение паремий в состав фразеологического фонда. В связи с этим большую важность приобретает изучение особенностей употребления пословиц и поговорок в тексте.

Паремии представляют собой «стереотипы народного сознания» [Маслова, 2004: 43]. В них наиболее ярко проявляются особенности национальной культуры и ЯКМ. В. Хлебда отмечает, что «паремии представляют собой составляющие данного национального семиотического кода» [Хлебда, 2008: 93], т.е. служат мощным средством для анализа этноязыкового сознания. В то же время исследователь отмечает факт наличия в некоторых паремиях общенациональных универсалий, что не лишает их, в то же время, этнической идентичности.

В пословицах и поговорках важна как эксплицитная, так и имплицитная составляющая. Паремии играют огромную роль при определении ценностных доминант конкретной культуры, ведь многие из них построены на открытом сравнении или противопоставлении и прямо выдвигают на первый план приоритетное качество или явление. Конструкция паремий репрезентирует и многочисленные эталоны поведения, закреплённые в обществе. Наибольший интерес представляют паремии, связанные с элементами культуры и быта народа. С.В. Евраева считает, что «страноведческая ценность пословиц обусловлена их кумулятивной функцией, то есть способностью фиксировать накопленный опыт народа» [Евраева, 2011: 112].

Когнитивная ценность паремий безусловна. Детальная интерпретация когнитивных смыслов даёт возможность выявить ключевые для этноса концепты. Эта ценность обусловлена тем, что паремии «вызывают в

сознании носителей языка определённую сумму сведений, которая, с одной стороны, определяет логическую конструкцию выражения, а с другой – обуславливает границы употребления данного выражения, его стилистику, связь с определёнными жизненными ситуациями, явлениями истории и культуры данного народа» [Дмитриева, 1996: 67], т.е. их культурно-историческим фоном.

В исследуемых нами текстах был обнаружен ряд паремий, причем среди них есть как универсальные, так и присущие конкретно взятому народу. Отдельного внимания заслуживает перевод подобных единиц при отсутствии эквивалента в другом языке.

Вполне естественно, что полная эквивалентность в случае с паремиями встречается крайне редко. Примером такого явления могут послужить следующие выражения: рус. *Ищи, чего не терял* – пол. *Szukaj czegoś nie zgubił*. Они совпадают как по внешней, так и по внутренней форме. Близкими по смыслу и форме становятся выражения рус. *Дайшь черту палец, а он ухватит всю руку* – пол. *Dyabłu nie trzeba podawać palca, bo zaraz całą rękę porwie* (досл. ‘Дьяволу не стоит подавать палец, потому что он всю руку порвет’).

Гораздо интереснее изучать паремии, которые имеют более значимые различия. Так, например, при переводе чисто польских выражений переводчики обычно пользуются либо калькированием, либо подбором аналогичной по смыслу русской единицы. Первый метод может быть продуктивным только в том случае, когда в основу положена ситуация, знакомая русскому человеку. Примером может послужить пословица *Baby i ropuchy, nawet siekierą nie zabijesz* – рус. *Бабу да жабу топором не убьешь*. В русском языке отсутствует аналог такого выражения, поэтому переводчик воспользовался переводом каждого из компонентов.

Подбор аналога позволил перевести на русский язык польскую поговорку *Raz kozie śmierć* (досл. ‘раз козе смерть’) – рус. *Двум смертям не бывать*. Смысл обоих выражений идентичен – они характеризуют ситуацию

безысходности, финал которой не зависит от выбора субъекта речи. Калькирование было бы не способно передать значение выражения для русского читателя, ведь для анализа его внутренней формы необходим подробный лингвокультурологический комментарий.

Интересен анализ паремий-аналогов с различающимися ключевыми компонентами. Примером может послужить поговорка *Сам кашу заварил – сам и расхлебывай* и ее польский аналог *Kiejs sobie piwa nawarzył, to go pij* ‘Наварил себе пива, сам его и пей’. Смысл обоих выражений идентичен: они символизируют необходимость ответственности за свои поступки. Перенос значения осуществляется по одной схеме: имеется готовый продукт, активно используемый в пищу, и потребителем этого продукта, вне зависимости от его качества, должен быть сам повар. В основе приготовления лежит варка. Ключевое различие заложено собственно в самом наименовании: в русском языке это *каша*, а в польском – *пиво*. Можно предположить, что каждый из этих продуктов входит в число эталонных для каждого из этносов. Это подтверждается активным использованием данных лексем в составе других паремий (рус. *Кашу маслом не испортишь*, *Щи да каша – пища наша*; пол. *Chleb, piwo i świeca zdobią szlachcica*, досл. ‘Хлеб, пиво и свеча украшают дворянина’; *Od piwa głowa się kiwa*, досл. ‘От пива голова качается’ и др.). Такая расстановка приоритетов отнюдь не случайна: пристрастие к алкогольным напиткам является яркой чертой польского этноса. Этот факт подтверждается, в частности, культурологом Е. Липняцкой [Липняцкая].

Безусловно, даже в паремиях четко ощущается роль автора. Отдельные выражения являются окказиональными. Так, например, Г. Сенкевич вводит в повествование собственное выражение, выстроенное по типу поговорки – *tam Pan Bóg u mnie trochę koprowiny* (досл. ‘там господь Бог и мне даст немного денег’). Используется малоупотребительная лексема *koprowina*, являющаяся устаревшим наименованием медной монеты. На русский язык выражение переведено с помощью типичного для отечественной лингвокультуры слова *авось*.

Окказиональным является и выражение *okukata kukulka na wiosnę chorobe*, переведенное при помощи калькирования как «укуковала» кукушка *хворость*. Визуально эту паремию трудно отличить от народных, ведь она не просто выстроена по классической схеме поговорки, но и имеет в своей основе представление об одной из примет. Однако ни в одном из лексикографических или художественных источников использование подобного выражения не зафиксировано.

Автор текста может не только вводить окказиональные паремии, но и переосмыслять узуальные. Это касается, например, фразы *myślał jak ów indyk, który zdechł od myślenia* (рус. *думал, как тот индюк, что околел от дум*). Очевидно, что Г. Сенкевич дает отсылку к известному выражению про индюка, который скончался от избытка мыслей. В. Хлебда подробно рассматривает специфику этой паремии в русском и польском языках. За основу берется польская пословица *Myślał indyk o niedzieli, a w sobotę łeb mu ścięli* (досл. ‘Индюк думал о воскресенье, а в субботу голову отсекали’). Гораздо труднее, по мнению исследователя, найти ее аналог в русском языке, несмотря на то, что образ умершего от мыслей индюка прочно укреплен в русском сознании. Проанализировав русские словари и Интернет-ресурсы, В. Хлебда пришел к выводу о том, что эталонным вариантом следует считать формулировку *Индюк думал, думал, да в суп попал* (иной вариант – *да и сдох*) [Хлебда, 2008: 100]. Сходство в смысловой стороне, а также принципах построения выражения позволяет проводить переосмысление паремии в русском и польском тексте по одному шаблону.

2.5. Коннотативно-стилистическая значимость ФЕ

В рамках нашего исследования мы считаем целесообразным использование такого понятия, как *коннотативно-стилистическая значимость ФЕ*. Под ним мы будем понимать синтез экспрессивно-оценочных и функциональных свойств фраземы, представляющий интерес в лингвокультурологическом аспекте.

Выявление этноязыковых ценностных доминант невозможно при анализе исключительно семантических параметров. Любая оценка содержит в себе субъективность, а значит, тесно связана с коннотативными особенностями ФЕ. Е.Ф. Арсентьева отмечает, что основной в коннотативном значении является именно оценка. В то же время под самой коннотацией во фразеологии можно подразумевать «совокупность семантических наслоений, включающих в себя оценочный, экспрессивный, эмоциональный и функционально-семантический компоненты» [Арсентьева, 1989: 40]. Тесная связь между индивидуальной экспрессивностью и сферой употребления ФЕ обуславливает важность функционально-стилистического компонента коннотации.

В лингвистике принято выделять 3 класса фразеологизмов в зависимости от сферы употребления: книжные, разговорные и нейтральные (межстилевые). Книжные ФЕ связаны с письменной речью. В рамках нашего исследования к ним относятся преимущественно ФЕ с возвышенной окраской: рус. *(от) смертного одра*, пол. *(od) łoża zgasłego*; рус. *кладезь мудрости*, пол. *ocean mądrości* и т.д.

Разговорные ФЕ употребляются в обыденной речи. В художественном тексте они используются при стремлении воссоздать бытовую обстановку и передать живую речь персонажей. ФЕ могут не просто быть разговорными, но и иметь сниженную окраску: быть просторечными или даже бранными. Примечательно, что именно разговорные ФЕ обладают наибольшей экспрессивностью, а следовательно, несут в себе максимальную оценочность: рус. *черти берут*, пол. *lichy go bierze*; рус. *как псу на цепь*, пол. *jak bryś na łańcuch* и т.д.

Нейтральными считаются ФЕ, употребление которых уместно в рамках любого стиля. Следует помнить, что у этой группы есть своя периферия, которая граничит с каждым из обозначенных ранее стилей, что существенно осложняет их разграничение. Примерами нейтральных ФЕ могут послужить

рус. *приложить руки (к делу)*, пол. *rąk i pracy przyłożyć*; рус. *открыть сердце*, пол. *serdecznie pierś odkryć* и т.д.

Е.Ф. Арсентьева, ссылаясь на А.В. Кунина, отмечает недостаточную разработанность фразеологической стилистики, что затрудняет ход исследований в данном направлении» [Арсентьева, 1989: 43]. Сложность представляет и свойство ФЕ переходить из одной группы в другую. Так, выражения, относившиеся к разговорному стилю, со временем становятся нейтральными, а те, в свою очередь, могут выходить из употребления и переходить в ранг книжных. Это особенно усложняет процесс изучения ФЕ в диахроническом срезе. Такие процессы связаны не только с внешними факторами, но и спецификой внутренних мыслительных процессов носителей языка.

Размытость границ фразеологической стилистики становится почвой для разработки разных подходов к ее изучению. Так, например, В.М. Греченко-Журавская в ходе исследования экспрессивно-стилистических свойств ФЕ решила детально изучить особенности их трансформации на всех языковых уровнях [Греченко-Журавская, 2011: 78]. В рамках нашей работы подобный анализ производился в других разделах.

Наше исследование продемонстрировало, что наибольшую распространенность получают нейтральные ФЕ. Детальное соотношение представлено на диаграмме [Рисунок 7]:

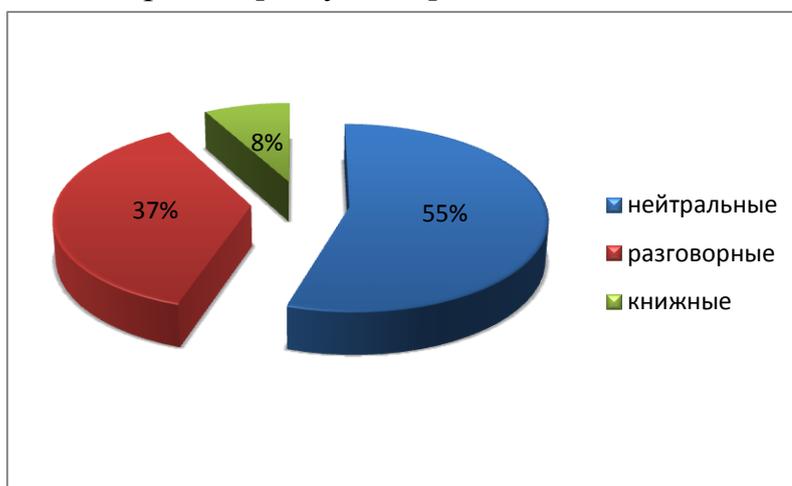

Рисунок 7. Соотношение групп ФЕ по стилю

Диаграмма показывает, что, несмотря на преобладание нейтральных ФЕ, значимое место занимают разговорные. Это связано с их высокой экспрессивностью. ФЕ в целом тяготеют к оценочности и эмотивности, что обеспечивает их тягу к разговорному стилю.

Интересно, что подавляющее число книжных ФЕ в наших текстах связано с библейскими образами или имеет в своем составе «церковные» лексемы. Это демонстрирует высокую роль религиозности в этноязыковом сознании носителей языка. Все, что относится к более высокой сфере, в сознании народа ассоциируется с верой.

Разговорные ФЕ тоже могут включать в себя религиозные компоненты – теонимы и демонимы, что является проявлением уже упоминавшихся ранее языческих черт (обращение к божествам и потусторонним силам с целью достижения желаемого результата, в т.ч. бранное, – яркая примета языческой культуры). Сюда же может входить просторечная лексика, например, рус. *орал благим матом*, пол. *wrzeszczał, że aż uszy pękały*.

Нередко показателем оценки, в то же время свидетельствующим о стилистической характеристике ФЕ, служат просторечные лексемы: пол. *gębę otwierasz*, что дословно переводится на русский язык как *распахнуть пасти*. Подобные сниженные компоненты также подчеркивают отношение говорящего: вместо нейтрального *рты* он выбирает презрительное *пасти*, показывая тем самым свое пренебрежение.

Нейтральные ФЕ также содержат в себе оценочную коннотацию. Безусловно, степень экспрессии здесь гораздо ниже. Так, например, ФЕ *разрывать грудь* (пол. *rozrywać tu piersi*) свидетельствует о высокой степени значимости события для субъекта, которая вызывает у него сильные эмоции. В то же время другая нейтральная ФЕ – *zapominać języka w gębie* – не несет в себе выраженной оценки, хотя ее русский аналог (*проглотить язык*) в свою очередь имеет более яркую эмотивную коннотацию.

Таким образом, можно заметить, что объединенное изучение коннотативного и функционально-стилистического аспектов позволяет наиболее полно проявить фразеологическое значение. Выделенные к ходу подобного исследования ФЕ служат показателями ценностных ориентиров того или иного социума, свидетельствуют об особенностях его ментальности.

ВЫВОДЫ

1. Сопоставительный анализ ФЕ из разных языков предполагает пристальное внимание к их структурно-семантической организации. Наиболее точное представление о сходстве и различии ФЕ с этой точки зрения предлагает классификация Е.Ф. Арсентьевой, в соответствии с которой все межъязыковые соответствия делятся на три группы: межъязыковые эквиваленты (характеризуются тождеством семантики, грамматического построения и компонентного состава), аналоги (выражают одинаковые или близкие значения при существенной разнице во ВФ), а также безэквивалентные ФЕ (предполагают отсутствие соответствий изучаемой единицы в одном из анализируемых языков). Последняя группа является самой редкой, но в то же время самой ценной с позиций лингвокультурологического анализа.

2. Как показало наше исследование, МФЭ являются самыми распространенными в русском и польском языках, что обусловлено их генетической общностью. Наибольшей эквивалентностью обладают ФЕ, относящиеся к нейтральному или книжному стилям и включающие в свой состав универсальные для всех культур компоненты (например, соматизмы). В связи с близостью грамматического строя русского и польского языков наибольшую распространенность получают полные МФЭ, тогда как частичные представлены несколько реже.

3. Анализ МФА позволяет детально изучить русскую и польскую лингвокультуру. В этой группе гораздо чаще встречаются разговорные ФЕ, отличающиеся высокой степенью экспрессивности. МФА могут включать образы, характерные для конкретной лингвокультуры, поэтому перевод подобных ФЕ зачастую осуществляется с помощью подбора в языке-реципиенте ФЕ с абсолютно иной ВФ. Примером может послужить русско-польская пара ФЕ *дышать на ладан* – *ciénko prząść* ‘быть при смерти’. Кроме того, нередко анализ МФА дает возможность обозначить связь одной

лингвокультуры с другими (примером могут послужить результаты нашего анализа ФЕ *koszulę w zębach nosić* и *w czepku się urodzić się*).

4. Изучение БФЕ предполагает повышенное внимание к особенностям их перевода. Нами было выделено четыре основных способа перевода подобных выражений: калькирование, лексический и дескриптивный перевод, а также комбинированный способ. Точнее всего образную и эмотивную составляющую передает дескриптивный способ. Наше исследование показало, что чаще всего в роли БФЕ выступают разговорные выражения, возникшие на основе ярких метафор. В составе подобных ФЕ обычно функционирует специфично-бытовая лексика, а ВФ может быть построена на основе национальных традиций или стереотипов. Это связано с тем, что подобные выражения обычно возникают в народном сознании и лишь со временем могут переходить в литературный язык.

5. Особое внимание стоит уделять авторским особенностям употребления ФЕ. Частота включения ФЕ в текст и их тематическая направленность демонстрирует особенности этноязыкового сознания носителя языка, а также служит для более яркого повествования (примером может послужить частотность употребления ФЕ с соматизмами в романтической повести «Ганя»). Характерной чертой идиостиля Г. Сенкевича стало также частое употребление разговорных выражений, переосмысление существующих ФЕ, а также активное использование игрового начала.

Учитывая, что мы исследовали оригинальные произведения и их переводы на русский язык, важным представляется также изучение особенностей переводных текстов (в частности, способы перевода ФЕ). Установлено, что некоторые переводчики предпочитают переводить ФЕ с помощью обычных лексем, тогда как другие наоборот стремятся сохранить образность исходного текста и даже ввести в повествование ФЕ, которых не было в оригинале.

6. Один из самых продуктивных лингвистических подходов – полевый – позволяет проанализировать ценностные акценты русской и польской лингвокультур. Нами было выделено 12 фразеосемантических полей. Наиболее распространенными стали ФСП ‘действие’ и ‘состояние’. Это связано с высокой ценностью деятельности человека в славянской культуре, а также стремлением к рефлексии и самопознанию, особенно распространенным в польском этносе. Реже всего метафоризируются события и явления, связанные с состоянием окружающей среды (возможно, это вызвано более высокой степенью их объективности). Ряд ФЕ не вошел ни в одно из выделенных ФСП. Это наиболее абстрактные ФЕ, связанные с религиозной картиной мира и употреблением соответствующих компонентов.

7. ФЕ, связанные с употреблением религиозных компонентов, преимущественно относятся к возвышенному стилю. Это вызвано высокой степенью почета и боязни потусторонних сил, а также пиетета перед Библией и всем, что с ней связано. Такие ФЕ нередко иллюстрируют ужасы, которые могут ожидать грешника после смерти, т.е. служат своеобразными регуляторами морали. Использование религиозных или мифологических образов нередко затрудняет восстановление истинной ВФ выражения: далеко не всегда подобные компоненты должны сигнализировать о соответствующем происхождении выражения, в отдельных случаях оно связано с конкретными историческими событиями.

8. ФЕ с теонимами и демонимами становятся отражением синтеза христианства и язычества в религиозном сознании русских и поляков. Теонимические образы наделяются положительными качествами, тогда как демонимические наоборот связаны с негативом. Нами выявлены единицы, которые допускают использование теонима или демонима без изменения значения ФЕ или ее коннотации (*бог/черт знает // Bóg/dyabeł wie*). Их происхождение вызвано процессами, связанными с переходом от язычества к христианству. Установлено, что в польской лингвокультуре существует

гораздо больше демонимов, что сигнализирует о более высокой степени боязни потусторонних сил.

9. ФЕ с соматизмами распространены в каждом языке. Принципиальным становится изучение частоты, с которой тот или иной компонент употребляется в ФЕ. Установлено, что в тестах Г. Сенкевича чаще всего встречаются такие соматизмы, как *голова*, *ухо*, *рука*, *сердце*. Проведя сопоставительный анализ, мы выяснили, что в русской лингвокультуре гораздо чаще встречаются ФЕ с компонентом *рука*, чем в польской, что может служить показателем более высокой ценности практической деятельности в русском этносе.

10. Паремии представляют собой «стереотипы народного сознания», а следовательно, их изучение представляет особый интерес. Эквиваленты среди паремий встречаются достаточно редко. Сопоставление компонентов, которыми различаются МФА, а также безэквивалентных единиц позволяет определить ценностные доминанты каждой из лингвокультур. Так, например, употребление компонентов *каша* и *riwo* в рамках сходных паремий позволяет обозначить блюдо, являющееся в лингвокультуре одним из приоритетных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык отражает процессы, происходящие в сознании его носителей, транслирует существующие представления, идеалы и установки. Наиболее ярко эти когнитивные сущности представлены во фраземах. Это и обуславливает трудности в переводе таких единиц. Зачастую перевод разрушает те скрытые смыслы, которые были заложены во фраземе. Русский и польский языки близки друг другу, что позволяет проводить более глубокий сопоставительный анализ и выявлять принципиальные сходства и различия.

Нами была предпринята попытка всестороннего изучения фраземного состава русского и польского языков на примере творчества Г. Сенкевича. Это позволило нам выявить следующие ценностные ориентиры:

1. Человек и его внутренний мир, а также все, что связано с его деятельностью. Компонентный состав фразеологизма не обязательно напрямую связан с субъектом или объектом речи, но непременно его характеризует.
2. Религиозность носителей языка. Несмотря на то, что религия в обществе давно не играет доминирующей роли, она прочно укрепилась в сознании каждого человека. Это обуславливает частоту функционирования подобных фразеологизмов в современных языках. Активное обращение к библейским образам и сюжетам свидетельствует о высокой значимости религиозного сознания даже в том случае, когда человек не является глубоко верующим.
3. Анализ фразеосемантических полей, к которым относятся представленные в рассказе фраземы, показывает, что в сознании носителей языка доминирует ощущение необходимости действия. Большую значимость имеет также внутреннее

состояние человека, а также его взаимоотношения с окружающим миром.

4. Роль национальных традиций и стереотипов. Многие выражения построены на основе древних верований западных и восточных славян, а также их представлений о людях в целом и отдельных этносах в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажнюк Б.М. Англійська фразеологія у культурно-етнічному висвітленні. – Киев: Наукова думка, 1989. – 136с.
2. Алефиренко Н.Ф., Жаркынбекова Ш.К. Сопоставительная лингвокогнитивистика: тенденции, проблемы и перспективы развития: монография. – Астана-Белгород: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014.
3. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 384 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: ООО «Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
6. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология: Учеб. пособие для бакалаврского уровня образования. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
7. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. пособие. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.
8. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). – Казань: Издательство Казанского университета, 1989. – 129 с.
9. Арсентьева Е.Ф. Типы соответствий фразеологических единиц английского, русского и татарского языков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gigabaza.ru/doc/43915.html> (дата обращения: 01.05.2017).
10. Аюпова Р.А. Проблемы сопоставительной фразеологии английского и русского языков: Учеб.-метод. пособие для студ. отделения романо-германской филологии. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2004. – 27 с.

- 11.Баландина И.Д. Синонимическая аттракция как средство создания языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Издательство «Грамота», 2009. – С. 50-55.
- 12.Баранов А.Н., Добровольский Д.О. От чего зависят стилистические характеристики идиомы (имя им легион VS. как грязи) // Русский язык в научном освещении. – М., 2009. – №2. – С. 78-91.
- 13.Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Воронеж, 2005.
- 14.Вайсгербер Й. Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1993. – №2. – С. 107–113.
- 15.Вартаньян Э.А. Из жизни слов. – М.: Гос. изд-во детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1963. – 320 с.
- 16.Василенко А.П. Аспекты семантики фразеологизмов (на материале русского и французского языков). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Орел, 2011.
- 17.Вильк Г. Семантика труда в русско-польском языковом сопоставлении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Катовице, 2013.
- 18.Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Изд-во «Наука», 1980.
- 19.Войтова Н.А. Фразеологизмы с соматонимами «глаз», «нос», «ухо» и «язык» в русском и польском языках // Современные тенденции развития науки и технологий. – Белгород, 2015. – №9-4. – С. 35-40.
- 20.Волошкина И.А. Фразеосемантическое поле «характер человека». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Белгород, 2009.
- 21.Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 2. – Тула, 2012. – С. 396-405.

- 22.Греченко-Журавская В.М. Экспрессивно-стилистические возможности обновленных фразеологизмов в художественном тексте // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках. Материалы V Международной научной конференции 7-8 апреля 2011 года. – Дніпропетровськ: «Нова ідеологія», 2011. – С. 110-112.
- 23.Дмитриева О. А. Об этнокультурной специфике пословиц и афоризмов // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. – С. 67–74.
- 24.Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1997. – №6. – С. 37-49.
- 25.Евраева С.В. Роль паремиологии в лингвокультурологических исследованиях (на материале русских пословиц религиозного содержания) // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках. Материалы V Международной научной конференции 7-8 апреля 2011 года. – Дніпропетровськ: «Нова ідеологія», 2011. – С. 110-112.
- 26.Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 111-134.
- 27.Князь (Сотова) Т.Н. Этнокультурный аспект фразеологизмов украинского языка, обозначающих состоятельность // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными научными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 189-192.
- 28.Ковалевская Л.А. Образ идиомы как источник культурной коннотации // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 года): в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф.

- Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т.2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. – С. 230-236.
29. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2103. – 456 с.
30. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: «Просвещение», 1993.
31. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
32. Кочедыков Л.Г. Краткий словарь библейских фразеологизмов. – Самара: Изд. дом «Бахрах-М», 2006. – 176 с.
33. Кошарная С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород: Издательство БелГУ, 2002. – 288 с.
34. Кравцов С.М. Фразеология и когнитивная лингвокультурология // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 года): в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т.2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. – С. 219-223.
35. Липняцкая Е. Эти странные поляки [Электронный ресурс]. Режим доступа:
http://royallib.com/book/lipnyatskaya_eva/eti_strannie_polyaki.html (дата обращения: 02.04.2017).
36. Мануков С. Зеленый остров потускнел // Эксперт Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://expert.ru/2012/10/5/zelenyj-ostrov-potusknel/> (дата обращения: 24.04.2017).
37. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
38. Мокиенко В.М. Гол как сокол // Русская речь, 1980. – № 4. – С. 35-41.
39. Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.

40. Пеянович А. Бог и черт в славянской фразеологии (на материале русского и сербского языков) // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными научными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 514-519.
41. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 226 с.
42. Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Москва, 2006.
43. Приходько А.И. Социокультурный компонент фразеологических единиц // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 года): в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т.2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. – С. 293-296.
44. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М., 1980. – 143 с.
45. Ратайчик К. Бог и дьявол в русской междометной фразеологии (структурно-семантический очерк с учетом элементов перевода). – *Folia linguistica rossika*. – Łódź, 2007. – №3. – S. 129-138.
46. Ревзина О.Г. О понятии коннотации // Языковая система и её развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 436-446.
47. Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского Средневековья // Вопросы истории, №1. – М., 1974. – С. 3-12.
48. Сабурова Н.А. Пространство в русском языковом сознании: концептуализация пути (на материале фразеологизмов и метафор) //

- Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2005. – №2. – С. 47-58.
49. Сабурова Н. А. Структура фразеосемантического поля пространства // Филологические науки. – М., 2002. – №2. – С. 81-88.
50. Савчук Г.В. Пространственные фразеологические единицы: от особенностей обозначения действительности к особенностям функционирования // Картина мира в языке, сознании, речи: Межвузовский сборник научных трудов. – Орел, ОГУ, 2013. – С. 68-71.
51. Садыкова А.Г., Шангараева Л.Ф. К вопросу о культурной коннотации во фразеологии // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными научными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 116-119.
52. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/119.Serebrennikov/html/unnamed_40.html (дата обращения 01.05.2017).
53. Синельникова И.И., Андросова С.А. Состав фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека» (на материале французского языка) // Научные ведомости НИУ «БелГУ». – Белгород, 2014. – №6 (177). – С. 122-127.
54. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: «Наука», 1986.
55. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
56. Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. – Т. 2. – С.161-166.

57. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 135-169. (а)
58. Уорф Б.Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 169-183. (б)
59. Федоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. – Новосибирск, 1973. – 171 с.
60. Федуленкова Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков [Электронный ресурс]. – М.: Изд-во Академии Естествознания, 2012. Режим доступа: <http://www.monographies.ru/ru/book/view?id=152> (дата обращения 27.04.2017).
61. Федуленкова Т.Н., Любова А.Н. Методы и процедуры исследования фразеологии (на материале английского, немецкого и норвежского языков) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008.
62. Хайруллина Р.Х. Лингвокогнитивные и лингвокультурологические приемы сопоставительного анализа фразеологизмов // Когнитивно-дискурсивные стратегии: Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, приуроченной к юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, д.ф.н., проф. НИУ «БелГУ» Н.Ф. Алефиренко (11-12 января 2106 г.). – Белгород: ООО «Эпицентр», 2016.
63. Хлебда В. О чем думает русский индюк, или Об эквивалентах пословиц в двуязычном словаре // *Przegląd Rusycystyczny*. – Katowice, 2008. – №4 (128). – S. 90-104.

64. Чикина Е.Е. Выявление национально-культурной специфики фразеологизмов: современные подходы [Электронный ресурс] // INTER-CULTUR@L-NET. – Владимир, 2004. – №3. Режим доступа: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/127/> (дата обращения: 01.05.2017).
65. Чумак-Жунь И.И. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И. А. Бунина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Киев, 1996.
66. Диссертации по гуманитарным наукам - <http://cheloveknauka.com/leksiko-semanticheskoe-pole-tsveta-v-yazyke-poezii-i-a-bunina-sostav-struktura-funktsionirovanie#ixzz4jJFCUPkT>
67. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М.: Издательство «Наука», 1974. – 254 с.
68. Ючковская Л.Т. К вопросу о фразеологической картине мира // Вестник Югорского государственного университета. – 2015. – №1 (36). – С. 161-164.
69. Wańko M. Mieć fiksum dyrdum // Słownik języka polskiego [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sjp.pwn.pl/o-nas> (дата обращения: 01.05.2017).
70. Bulawa M. Paralusz i inne „odmiany złośliwych diabłów”, czyli o związkach między chorobą a diabłem we frazeologii gwarowej // Słowiańska frazeologia gwarowa / pod red. M. Raka i K. Sikory. – Kraków: Księgarnia Akademicka. 2016. – S. 229-253.
71. Dźwigoł R. Ni pies, ni bies – jednostki frazeologiczne z komponentami 'pies' oraz 'diabeł' w polszczyźnie [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.animalisticki-frazemi.eu (дата обращения: 01.05.2017).
72. Dźwigoł R. Ś ciebie mo dioboł pociechę. O charakterze człowieka na podstawie frazeologizmów i paremii z pola leksykalno-semantycznego <DIABEŁ> // Słowiańska frazeologia gwarowa / pod red. M. Raka i K. Sikory. – Kraków: Księgarnia Akademicka. 2016. – S. 195-209.

73. Leszczyńska J. Frazeologia somatyczna we współczesnej gwarze regionu wodzińskiego // Mezinárodní setkání mladých slavistů pořádané pod záštitou. – Ostrava, 2010. – S. 237-246.
74. Lewicki A.M., Pajdzińska A. Frazeologia: wykłady [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1571976/> (дата обращения: 02.04.2017).
75. Malinowski M. Obscy język polski. Poradnia Językowa [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://obcyjezykpolski.pl/> (дата обращения: 04.05.2017).
76. Poplawski E. Święty Mikołaj w polskiej gwarowej przestrzeni paremiologicznej. Glosa do kulturowego wizerunku biskupa Miry // Słowiańska frazeologia gwarowa / pod red. M. Raka i K. Sikory. – Kraków: Księgarnia Akademicka. 2016. – S. 183-295.
77. Slavistické společnosti Franka Wollmana
78. Skorupka S. Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza // Славянская филология. – М.: Наука, 1958. – Т.3. – С. 124-151.
79. Szafraniec K. Nauczanie frazeologizmów w metodzie komunikacyjnej // Kształcenie polonistyczne cudzoziemców. – Łódź, 2013. – №20. – S. 103-110.

Словари и справочники

80. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 472 с.
81. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
82. Гюлюмянц К.М. Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. Т.1. А – М. – Мн.: Экономпресс, 2004. – 688 с.
83. Гюлюмянц К.М. Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. Т.2. N – Ž. – Мн.: Экономпресс, 2004. – 718 с.

84. Карманный польско-русский и русско-польский словарь / Под ред. Г.В. Сеницыной. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1967.
85. Кузнецов А.М. Поле [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/380c.html> (дата обращения: 02.05.2017).
86. Молотков А.И., Цеслиньска В. Учебный русско-польский фразеологический словарь. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001.
87. Николаюк Н.Г. Библейское слово в нашей речи / Словарь-справочник. – СПб.: ООО «Светлячок», 1998. – 448 с.
88. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей/ Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
89. Bogusławski Andrzej. Mały słownik rosyjsko-polski I polsko-rosyjski. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1970.
90. Kowalczyk J.R. Kupy swawolne – słownik Henryka Sienkiewicza [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://culture.pl/pl/artukul/kupy-swawolne-slownik-henryka-sienkiewicza> (дата обращения: 02.05.2017).
91. Skorupka Stanisław. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Tom 1. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1967.
92. Szary L. Pustrowany słownik frazeologiczny. – Kraków: Wydawnictwo GREG, 2012. – 210 s.

Материалы и источники

93. Величковский П. Крины сельные или цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественного писания [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Paisij_Velichkovskij/kriny-selnye/#0_44 (дата обращения: 01.05.2017).
94. Сенкевич Г. Повести и рассказы. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957.
95. Суворов А.В. Цитаты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1>

%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%A1%D1%83%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 01.05.2017).

96. Sienkiewicz Henryk. Wikisource [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pl.wikisource.org/wiki/Autor:Henryk_Sienkiewicz (дата обращения: 27.04.2017).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пробная тетрадь

словаря лингвокультурологических сопоставлений фразем русского и польского языков

1. *На ладан дышать* – о худом, слабом, болезненного вида человеке, которому недолго осталось жить // *cienka prząść* (букв. тонко прясть) – а) «być w biedzie, w niedostatku, w ciężkiej sytuacji»; б) «być bardzo chorym» ~ а) бедствовать, терпеть нужду; б) тяжело болеть.

Я уже давно говорила, что она на ладан дышит [Сенкевич, 1957: 318]
// *Mówiłam ja zdawna, że ona cienko przędzie* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *на ладан дышать* фразеологический аналог ко 2 значению польск. ФЕ *cienka prząść*.

Лингвокультурологический комментарий

Русский фразеологизм *на ладан дышать* основывается на религиозной символике слова *ладан*. Ладан – особый вид масла, использующийся в церкви. Изготавливается из сока смолистых деревьев. В церкви ладан кадят, т.е. помещают в раскачивающийся сосуд и поджигают. Он имеет сильный специфический запах. Ладан используется во время совершения многих церковных ритуалов. В частности, кадило с ладаном раскачивают над умирающим человеком во время соборования. Считается, что это помогает душе легче покинуть тело. Отсюда значение ФЕ *дышать на ладан* – ‘находиться в крайне тяжелом (предсмертном) состоянии’.

Польский фразеологизм *cienka prząść* основан на представлении о жизни человека как о нити, которую прядут высшие силы. Схожие мотивы присутствуют в древнегреческом сюжете о мойрах – богинях судьбы, которые прядут нить жизни человека. Тонкая нить, готовая вот-вот разорваться, ассоциируется с тяжелой судьбой, серьезными болезнями – словом, всем, что нарушает нормальный ход жизни человека. Это и

обуславлюет оба значения ФЕ: ‘бедствовать, терпеть нужду’, ‘тяжело болеть’.

2. **Клевать носом** – засыпать, опуская голову и периодически отключаясь // *żydy wozić* (букв. евреев возить) – «przechylać się» ~ наклоняться.

Но скоро он замолчал и стал клевать носом [Сенкевич, 1957: 321] // *Ale wkrótce umilkł i zaczął «żydy» wozić* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. **клевать носом** фразеологический аналог к польск. ФЕ *żydy wozić*.

Лингвокультурологический комментарий

Русская ФЕ **клевать носом** появилась на основе наблюдения за поведением птиц. Чтобы употребить пищу, и домашние, и дикие птицы наклоняются к земле и совершают особые клевательные движения. Такие наклоны сравнимы с действиями человека, который пытается бороться со сном: голова тянется вниз, делая его похожим на клюющую птицу.

Польский фразеологизм *żydy wozić* является окказиональным. Словарь языка Г. Сенкевича фиксирует его употребление в романе «Огнем и мечом» («Ogniem i mieczem»). Происхождение ФЕ связано со стереотипом о внешних особенностях евреев: привычке сидеть согнувшись во время поездок на телеге или кóзлах.

3. **Надавать по шее** // *tluca po karku* (букв. бить по шее) – избить кого-либо.

Ему снилось, будто в Лецинце ему надавали по шее за то, что он потерял сумку с письмами... [Сенкевич, 1957: 321] // *Śniło mu się, że go w Leszczyńcach tłuką po karku, za to, że zgubił kobiałkę z listami...* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. **надавать по шее** фразеологический эквивалент польск. ФЕ *tluca po karku*.

Лингвокультурологический комментарий

Русская и польская ФЕ построены по одному и тому же принципу. За основу взята распространенная система телесного наказания. Удар по шее аналогичен подзатыльнику. Обычно он не представляет собой серьезной угрозы жизнью и здоровью «потерпевшего» и демонстрирует недовольство субъекта действия по отношению к объекту. В результате легкий удар проецируется на процесс избиения в общем или вербальное порицание в частности.

ФЕ, связанные с возможностью причинения телесного вреда, являются частым явлением в славянской лингвокультуре. По аналогичной схеме выстроена, в частности, ФЕ *голову снести* // *głowę utnać* (букв. голову отрубить) – убить, покалечить (*французы тебе спуска не дадут; либо голову снесут, либо еще что!..* [Сенкевич, 1957: 449] // *Francuzi też ci nie przepuszczą; głowę utną, albo co!..* [Sienkiewicz]).

4. *На волю божью* // *na woli Bożej* (букв. на волю Божью) – положиться на высшие силы, снять с себя ответственность за происходящее.

Так и все сущее отдается на волю божью [Сенкевич, 1957: 323] // *W ten sposób wszystko może istnieć na woli Bożej* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *на волю божью* фразеологический эквивалент польск. ФЕ *na woli Bożej*.

Лингвокультурологический комментарий

Обе ФЕ отражают специфику религиозных взглядов русских и поляков. Христианское мировидение обуславливает их идентичность. Когда человек ощущает бессмысленность своих действий и чувствует, что не способен решить проблему самостоятельно, он принимает решение положиться *на волю божью*, т.е. полностью оставляет попытки самостоятельно изменить ситуацию. И в русской, и в польской лингвокультуре под *волей Божьей* понимается божественное предначертание, определяющее судьбу всех жителей земного шара. Любые попытки воспрепятствовать осуществлению

этого предначертания воспринимаются как ошибочные и даже греховные. Это и определяет значение обеих ФЕ.

5. **Бог дал** // ***Bóg dał*** (букв. Бог дал) – привелось, досталось.

*И в самом деле, жизнь его складывалась именно так, как хотел бог, но когда бог дал войну, Бартек огорчился не на шутку [Сенкевич, 1957: 449] // Jakoż życie jego układało się zupełnie, jak **Bóg dał**, i dopiero gdy **Bóg dał** wojnę, Bartek zafrasował się niepomatu [Sienkiewicz].*

ФЕ рус. **Бог дал** фразеологический эквивалент польск. ФЕ ***Bóg dał***.

Лингвокультурологический комментарий

В данном случае и русская, и польская ФЕ имеют общее происхождение. Оно связано с первоначальным смыслом слова *Бог/Bóg* – ‘тот, кто наделяет материальными благами’. Это подтверждается этимологией лексемы и связью с такими словами, как рус. диал. *збожье*, пол. *zboże*, укр. *збіжжя* ‘богатство, добро’ и т.д. Отсюда, собственно, и произошло современное русское слово *богатство*. Функция Бога как дарителя и отразилась в ФЕ *бог дал* // *Bóg dał*.

6. **Как с креста снятый** // ***Jak z krzyża zdjęty*** (букв. как с креста снятый) – больной, в плохом состоянии.

Ох, должно быть, плохо дело, потому что и капрал как с креста снятый [Сенкевич, 1957: 453] // Oj, coś źle słysząc, bo i kapral jak z krzyża zdjęty [Sienkiewicz].

ФЕ рус. **как с креста снятый** фразеологический эквивалент польск. ФЕ ***jak z krzyża zdjęty***.

Лингвокультурологический комментарий

И русское, и польское выражения построены на основе исторического факта. В древние времена преступников казнили посредством распятия на кресте. Осужденного заживо прибавали к деревянному кресту и оставляли на несколько часов. Снимали уже мертвого человека. Тяжелое состояние

казненного и его последующая смерть и послужили основой для появления ФЕ.

Факт подобного метода казни стал общеизвестным благодаря распространенности библейского сюжета об Иисусе Христе, который был распят аналогичным образом. Однако видеть в ФЕ *как с креста снятый* // *jak z krzyża zdjęty* библейский корни, на наш взгляд, ошибочно.

7. *Только щепки летят* // *Aż wióry lecą* (букв. только щепки летят) – сильно, с полной отдачей.

Французы всегда так: наперед дадут себя поколотить, чтобы сбить с толку, а потом как возьмутся, так только щепки полетят [Сенкевич, 1957: 458] // *Francuzy zawsze naprzód dają się pobić, żeby zbalamucić, a potem jak się wezmą, aż wióry lecą* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *только щепки летят* фразеологический эквивалент польск. ФЕ *aż wióry lecą*.

Лингвокультурологический комментарий

Русская ФЕ *только щепки летят* представляет собой усеченный вариант пословицы *Лес рубят – щепки летят*. Однако, помимо структурной трансформации, выражение претерпело и семантическое переосмысление. Пословица построена на бытовом наблюдении: во время рубки деревьев обязательно отделяются небольшие пластинки – щепки. Как бы аккуратно ни велась работа, повреждение древесины неизбежно. Это повлияло на смысл поговорки: любое дело, даже благое, неминуемо имеет свои последствия, причем далеко не всегда положительное. Кто-то обязательно останется потерпевшим. В составе выражения присутствует яркая антитеза: лес как общность деревьев противопоставлен маленьким щепкам. ФЕ, отделенная от поговорки, приобрела иное значение. Отсутствие антитезы устранило компонент значения, связанный с основным крупным делом, а следовательно, появление щепок стало осознаваться лишь как показатель усердной работы, приложения усилий.

Появление польской ФЕ связано с тем же механизмом. Полный вариант польской поговорки – *Gdzie drwa rąbią, tam wióry lecą* (букв. Где дрова рубят, там щепки летят). Ее смысл идентичен русскому эквиваленту, однако ВФ имеет определенные различия. Противопоставление *леса* и *щепок* отсутствует. Вместо крупного древесного массива упоминаются *дрова*, т.е. антитеза не является столь выраженной. Акцент делается собственно на процесс рубки, т.е. на действие, а не его объект. Значение ФЕ, как и в случае с русским выражением, также изменено.

8. *(Куда) бог несет // (Gdzie) Pan Bóg prowadzi* (букв. (где) Господь Бог ведет) – о перемещении в неизвестном направлении.

Как живете, братки? Куда бог несет? [Сенкевич, 1957: 459] // *Jak się mata chłopcy! a gdzie Pan Bóg prowadzi?* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *бог несет* фразеологический эквивалент польск. ФЕ *Pan Bóg prowadzi*.

Лингвокультурологический комментарий

ФЕ *бог несет // Pan Bóg prowadzi* относятся к междометным. Они имеют ярко выраженное значение незнания и недоумения с пренебрежительным оттенком. Указанная ФЕ относится к группе теонимических выражений, ключевой компонент которых с легкостью может быть заменен демонимом без потери значения. В русском языке вариант с компонентом *черт* является более употребительным. Это связано с существующим в сознании представлением о *черте*, который уносит или сбивает с пути свою жертву. В свою очередь народная речь развила целый ряд вариаций ФЕ, где *черт* заменяется *лешим* и другими представителями славянской мифологии. Сходство со структурой обозначенных выражений накладывает негативную коннотацию и на ФЕ *бог несет*, несмотря на то, что в русской лингвокультуре образ *Бога* традиционно связан с положительными качествами. Подобное смешение происходит из-за синтеза языческих и христианских мотивов в сознании носителя языка. Перенос функций

языческих богов на христианских демонов повлек за собой появление подобных вариативных ФЕ.

Польская ФЕ *Pan Bóg prowadzi* также связана со спецификой религиозного сознания. *Бог ведет* человека, т.е. выступает в роли учителя и наставника, способного привести его к истинному пути. Негативная коннотация в таком выражении отсутствует, ведь подразумевается движение в сторону положительных качеств. Неслучайно схожая ФЕ в польском языке играет роль фатического выражения: *niech cię Bóg prowadzi* ‘не приведи Господь’ говорится в качестве пожелания удачи при прощании с собеседником.

9. *Душа направилась в пятки* – испытывать сильный страх // *Duch skierował się ku ramionom* (букв. дух направился к плечам) – «bardzo się bać» ~ очень бояться.

Душа Бартека снова направилась в пятки [Сенкевич, 1957: 461] // *Duch Bartka znowu skierował się ku ramionom* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *душа направилась в пятки* фразеологический аналог польск. ФЕ *duch skierował się ku ramionom*.

Лингвокультурологический комментарий

Семантика обеих ФЕ схожа, однако компонентный состав становится весьма примечательным. Значимые различия касаются опорного компонента: рус. *душа* и пол. *duch* ‘дух’. Интересно, что в польском языке функционирует также ФЕ *mieć duszę na ramieniu* (досл. ‘иметь душу на плечах’), где вместо *духа* речь идет о *душе*.

Принципиально различается и объект, на который направлено действие. В русском языке душа стремится к *пяткам*, тогда как в польском *ku ramionom* (к плечам), т.е. в противоположном направлении. Это отражает специфику архетипичного представления каждого из этносов о душе человека.

Интересно, что автор не только использует готовую ФЕ в тексте, но и иронично обыгрывает ее, чтобы описать перемены состояния героя: избавившись от страха, *Душа его покинула пятки и вернулась на свое место* [Сенкевич, 1957: 120] (пол. *Duch z ramienia wstąpił tu napowrót w piersi* [Sienkiewicz]). Автор разрушает ВФ существующей ФЕ, демонстрируя «обратный путь» души. Интересно здесь и сопоставление русской и польской ФЕ: если в русском варианте душа движется от *пяток* к «своему месту» (в русской культуре место души традиционно определяется в районе груди), то в польском – от *плеч* к *груди*. Получается, что несмотря на разные представления о перемещении души испугавшегося человека, коренная установка остается идентичной: оба народа помещают душу в область грудной клетки, ближе к сердцу.

10. *Двум смертям не бывать* – рисковать, надеясь на положительный исход мероприятия // *Raz kozie śmierć* (букв. всего коза смерть) – «trzeba zaryzykować i niech się dzieje, co chce» ~ нужно рискнуть и пусть будет, как будет.

Эх! Двум смертям не бывать! [Сенкевич, 1957: 464] // *Raz kozie śmierć!* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *двум смертям не бывать* фразеологический аналог польск. ФЕ *raz kozie śmierć*.

Лингвокультурологический комментарий

Русская ФЕ *двум смертям не бывать* представляет собой усеченный вариант пословицы *Двум смертям не бывать, а одной не миновать*. Согласно самой распространенной версии, это высказывание принадлежит полководцу А.В. Суворову: *Не бойся смерти, тогда наверное победишь. Двум смертям не бывать, а одной не миновать* [Суворов]. Впоследствии выражение «вышло в народ» и стало осознаваться как произведение фольклора. Однако утверждать, что первоначальное авторство принадлежит именно А.В. Суворову, невозможно. Та же фраза, но в несколько ином виде,

есть в труде преподобного Паисия Величковского «Крины сельные или цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественного писания»: *Двух смертей не будет, а одной никто не может избежать* [Величковский]. Афоризм А.В. Суворова, равно как и работа Паисия Величковского, не имеет точной датировки. Достоверно известно, что ФЕ появилась в XVIII в., но кто стал автором, установить невозможно.

Источником появления польской ФЕ стала ошибка. Изначально речь шла не о *козе*, а о *косе*. Это восходит к архетипическим представлениям о смерти, которая приходит за душой своей жертвы с косой. Связь *косы* и *смерти* многократно изучалась культурологами. Существуют разные версии возникновения подобного образа: от связи с плодородным циклом до мифологических первоисточников. Наиболее часто проводится параллель между массовым убийством людей и процессом косьбы. Ошибка, возникшая внутри польской ФЕ, прочно укрепились во фразеологическом фонде и зафиксирована внутри словарей, что привело к полной утрате связи с исконной ВФ.

11. *(Быть) на седьмом небе* // *(być) w siódmém niebie* (букв. быть в седьмом небе) – испытывать удовольствие, блаженство.

Все, смеясь, повторяют, что это он выиграл битву, вследствие чего Бартек чувствует себя на седьмом небе [Сенкевич, 1957: 469] // *Wszyscy powtarzają mi, śmiejąc się, że wygrał bitwę, skutkiem czego Bartek jest w siódmém niebie* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *(быть) на седьмом небе* фразеологический эквивалент польск. ФЕ *(być) w siódmém niebie*.

Лингвокультурологический комментарий

Русская и польская ФЕ появились на основе одного образа, связанного с древними представлениями об устройстве мира: небо состоит из семи кристальных образований в виде сферы. Соответственно, седьмая находится выше всех. Примечательно, что подобное мировоззрение присуще не только

грекам, но и представителям других этносов, считавших седьмой небесный ярус наиболее близким к Богу (NB: число «семь» в славянской культуре имеет сакральный смысл и считается самым счастливым). Неслучайно упоминания о семи небесах можно встретить даже в Библии и Коране.

12. *На чем свет стоит (изругать)* – очень сильно.

Магда в ответ на оба письма изругала его на чем свет стоит [Сенкевич, 1957: 471] // *Magda w odpowiedzi na obydwa listy, nawymyślała mi, co wlaźło* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. (*быть*) *на седьмом небе* перевод польск. лексемы *wlaźło* ‘влезло’.

Лингвокультурологический комментарий

Русская ФЕ в исследуемом тексте не имеет польского аналога или эквивалента, хоть польский фразеологический фонд и имеет в своем составе идентичное выражение – *kląć na czym świat stoi* «ktoś wypowiada bardzo obraźliwe lub wulgarne słowa, wyrażając w ten sposób silne negatywne emocje» ~ кто-то произносит очень оскорбительные или грубые слова, выражая тем самым сильные негативные эмоции. В современном русском языке ФЕ также употребляется в сочетании с глаголом *ругать* и образованиями от него, хотя ранее валентность выражения была гораздо шире, т.к. оно имело иную семантику – ‘очень сильно’. Примечательно, что ФЕ обыкновенно использовалась в сочетании с глаголами, связанными с речевой деятельностью.

Происхождение ФЕ связано с общеславянскими представлениями о мироздании. Все версии упирались в теорию о том, что земля прочно стоит на чем-либо (ср. с древнегреческим мифом об Атланте, на плечах которого держится вся земля). В славянской мифологии такой опорой обычно считалась рыба или кит. Прочность такой «конструкции» сомнению не подвергалась: раз мир существует, значит, она отличается надежностью. Именно поэтому ФЕ *на чем свет стоит* изначально символизировала

высокую степень чего-либо, и лишь со временем эта мера переместилась на бранную речь.

13. *Одному богу известно / бог знает / бог весть // Bóg jeden wie / Bóg wie* (букв. Бог один знает / Бог знает) – неизвестно.

... а какая нам от того прибыль – *одному богу известно* [Сенкевич, 1957: 479] / *Вот уже почти сорок лет, как он не видел родины, и бог знает, как давно не слышал родной речи...* [Сенкевич, 1957: 444] / *У этого старого солдата, закаленного в стольких боях, испытавшего бог весть какие несчастья <...> было сердце ребенка* [Сенкевич, 1957: 437] // *ale co nam z tego przyjdzie, Bóg jeden wie...* [Sienkiewicz] / *Mało-to my nie napalili, ludzi nabili... Bóg wie nie kogo... francirerów...* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *одному богу известно / бог знает / бог весть* фразеологический эквивалент польск. ФЕ *Bóg jeden wie / Bóg wie*.

Лингвокультурологический комментарий

Связь с божественным началом уже фактически утратилась и в русских, и в польских ФЕ. Религиозно-мифологическое содержание в современном фразеопотреблении фактически не ощущается. Изначально выражения построены на основе убеждения: Бог видит все, что происходит на Земле и, следовательно, для него не существует скрытой информации. Если кому-то из смертных что-либо неизвестно, то уж Бог наверняка знает правду.

Наиболее архаичной является рус. ФЕ *бог весть*. Это проявляется в словоформе *весть*, представляющей собой устаревшую форму 3 лица настоящего числа глагола *ведати* ‘знать’.

Интересно, что указанная ФЕ имеет синоним, содержащий в себе антонимичный компонент: *черт знает // dyabeł wie* (...нужна *черта знает* *какая голова, чтобы не сбиться* [Сенкевич, 1957: 437] // *że trzeba, dyabeł wie jakiej głowy, żeby nie zblądzić*). Значение обеих ФЕ идентично, пренебрежительная коннотация также совпадает. А. Пеянович отмечает, что «причиной такой «аномалии» стали мифологические представления народа,

согласно которым с принятием христианства функции древних языческих славянских богов были перенесены на демонов» [Пеянович, 2013: 517].

14. *Думал, как тот индюк, что околел от дум // Myślał jak ów indyk, który zdechł od myślenia* (букв. думал как тот индюк, который сдох от мыслей) – долго и усиленно думал.

Kогда у него не было жара, он все думал, как тот индюк, который околел от дум [Сенкевич, 1957: 488] // *Gdy nie miał gorączki, myślał, myślał jak ów indyk, który zdechł od myślenia* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *думал, как тот индюк, который околел от дум* фразеологический эквивалент польск. ФЕ *myślał jak ów indyk, który zdechł od myślenia*.

Лингвокультурологический комментарий

Переосмысление паремий – характерная черта исследованных текстов. Примером служит фраза *myślał jak ów indyk, który zdechł od myślenia* (рус. *думал, как тот индюк, что околел от дум*). Очевидно, что Г. Сенкевич дает отсылку к известному выражению про индюка, который скончался от избытка мыслей. В. Хлебда подробно рассматривает специфику этой паремии в русском и польском языках. За основу берется польская пословица *Myślał indyk o niedzieli, a w sobotę łeb mu ścięli* (досл. ‘Индюк думал о воскресенье, а в субботу голову отсекали’). Гораздо труднее, по мнению исследователя, найти ее аналог в русском языке, несмотря на то, что образ умершего от мыслей индюка прочно укреплен в русском сознании. Проанализировав русские словари и Интернет-ресурсы, В. Хлебда пришел к выводу о том, что эталонным вариантом следует считать формулировку *Индюк думал, думал, да в суп попал* (иной вариант – *да и сдох*) [Хлебда, 2008: 100]. Сходство в смысловой стороне, а также принципах построения выражения позволяет проводить переосмысление паремии в русском и польском тексте по одному шаблону.

15. *Siedzieć w kozie* (букв. сидел в козе) – а) «zostać za karę w szkole po lekcjach»; б) «siedzieć w więzieniu» ~ а) в наказание оставаться в школе после уроков; б) сидеть в тюрьме.

Тем временем Бартек сидел в тюрьме, вернее, лежал в тюремной больнице... [Сенкевич, 1957: 488] // *Bartek tymczasem siedział w kozie, a raczej leżał w szpitalu więziennym...* [Sienkiewicz].

Рус. свободное словосочетание *сидел в тюрьме* дескриптивный перевод польск. ФЕ *siedzieć w kozie*.

Лингвокультурологический комментарий

Польск. ФЕ *siedzieć w kozie* является безэквивалентной. ВФ этого выражения совершенно непонятна для русской лингвокультуры. Даже носитель польского языка с трудом может выявить мотивировочный признак, положенный в основу данной ФЕ, т.к. она возникла в результате ошибки: на месте *koza* первоначально находилась *kloza* ‘тюрьма’ (образовано от лат. *clousa* ‘закрытие’). Замена слова произошла в результате созвучия, а впоследствии ФЕ претерпела дополнительную метафоризацию и стала функционировать в лексиконе школьников. Сначала *козой* стало именоваться помещение, где был вынужден находиться ребенок, класс, а затем номинация была перенесена на все наказание в целом.

16. *Бросить перчатку* // *Rzuciłbyć rękawicę* (букв. бросить перчатку) – вступить в борьбу с кем-либо.

...я готов отдать жизнь, а если потребуется, брошу перчатку всему миру [Сенкевич, 1957: 64] // *...za którą oddałbym życie i za którą, gdyby była potrzeba, rzuciłbym rękawicę całemu światu* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *бросить перчатку* фразеологический эквивалент польск. ФЕ *rzuciłbyć rękawicę*.

Лингвокультурологический комментарий

По происхождению ФЕ представляет собой кальку с французского выражения *jeter le gant*.

Истоки русской и польской ФЕ восходят к эпохе Средневековья. Перчатка, брошенная в лицо или под ноги сопернику, считалась вызовом на бой. Поднять перчатку – принять вызов. Со временем эту традицию переняли дворяне. С распространением дуэльной традиции выражение стало употребляться повсеместно. Так, например, в России оно начало приобретать популярность в XVIII-XIX вв.

Существует еще одна гипотеза, связанная с происхождением выражения. Согласно устоявшемуся обычаю, перчатка вручалась рыцарю при установлении вассальной зависимости. Рыцарь, бросивший перчатку, демонстрировал свою непокорность.

Связь со средневековыми традициями обусловила современное значение обеих ФЕ. Однако теперь он упоминается при любом противостоянии человека с соперником или целым обществом.

17. *Ни на грош* // *Nie ma za grosz* (букв. ни на грош) – нисколько, ничуть.

... я всегда был несколько сентиментален, между тем как в Селиме сентиментальности не было *ни на грош* [Сенкевич, 1957: 80] // ...*ja zawsze byłem trochę sentymentalny, Selim nie miał w sobie za grosz sentymentalizmu* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *ни на грош* фразеологический эквивалент польск. ФЕ *nie ma za grosz*.

Лингвокультурологический комментарий

И русская, и польская ФЕ построены на основе лексемы *грош*, в каждом из языков обозначающей мелкую разменную монету. Для польской лингвокультуры *грош* является более характерным явлением: в русский язык само слово пришло именно через польской. Более того, если в России монета вышла из оборота после революции 1917 г., то в Польше действует и сейчас.

Учитывая, что *грош* был самой мелкой денежной единицей, объем товара, который за него можно приобрести, минимален. Это и было

положено в основу ФЕ: тот, кто не тянет *ни на грош*, не стоит равным счетом ничего.

Если значение и компонентный состав русской и польской ФЕ совпадают, то их варианты имеют принципиальные различия. В русском языке *грош* может быть заменен *копейкой* – другой мелкой монетой. В польском варианты создаются по иной схеме: меняется не вид денежной единицы, а число монет (*nie ma za grosz / dwa grosze / trzy grosze*). Возможно, это связано с меньшим числом разновидностей денег на территории Польши.

18. **Испить чашу горечи** – а) испытать на себе тяготы и лишения, связанные с каким-либо событием; б) перенести страдания, связанные с личными невзгодами // **Wychylić kielich goryczy** (букв. выпить чашу горечи) – «ktoś odcierpiał nieszczęście lub porażkę, które go spotkały» ~ кто-то ощутил несчастье или неудачу, которые ему встретились.

Однако мне не было суждено **испить** эту **чашу горечи** до дна. [Сенкевич, 1957: 82] // *Nie było mi jednak przeznaczoném wychylić ten kielich goryczy aż do dna* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. **испить чашу горечи** во 2 значении фразеологический эквивалент польск. ФЕ **wychylić kielich goryczy**.

Лингвокультурологический комментарий

Образ, положенный в основу обеих ФЕ, восходит к Библии. В словах пророков достаточно часто встречается *чаша* как символместилища гнева Господа. Народ, оставивший Бога, обречен испить ее до дна, т.е. ощутить все последствия своего поступка. Так, например, тема «карающей чаши» встречается в словах пророка Иеремии: ... *так сказал мне Господь, Бог Израилев: возьми из руки Моей чашу сию с вином ярости, и напой из нее все народы, к которым Я посылаю тебя. И они выпьют, и будут шататься, и обезумеют при виде меча, который Я пошлю на них. И взял я чашу из руки Господней, и напоил из нее все народы, к которым послал меня Господь* (Иер. 25:15 – 17).

В основе современной ФЕ лежит и иной образ, связанный со страданиями Иисуса Христа, воплощенными в виде горького напитка. Он адресует Отцу молитву, включающую следующие слова: *Отче мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26:39). Общность русской и польской лингвокультур, тесно связанных с христианством, обуславливает возможность использования одних и тех же символов, взятых из библейских текстов, благодаря чему подобные ФЕ являются эквивалентными.

19. *Как мухи на мед* – об ажиотаже, массовом стремлении людей попасть куда-либо // *Jak na lep* (букв. как на липучку) – «stara się zrobić wszystko, jak na przynętę» ~ стремясь к чему-либо, как на приманку.

Поэтому нас тянуло к его воззрениям, как мух на мед [Сенкевич, 1957: 86] // *Ale Ignęliśmy do jego przekonañ jak na lep* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *как мухи на мед* фразеологический аналог польск. ФЕ *jak na lep*.

Лингвокультурологический комментарий

Русская ФЕ построена на бытовом наблюдении. Мухи слетаются к липким и сладким веществам вроде меда и варенья. Тучи насекомых, окружающих сладость, в сознании носителей русской языка соотнеслись с толпами людей, которые стремятся заполучить что-то, на их взгляд, привлекательное и желанное.

Польская ФЕ построена несколько иначе. Лексема *lep* – это ‘pułapka na owady, którą tworzy lepka substancja lub papierowy pasek posmarowany taką substancją’ ~ ‘ловушка для насекомых, которую создает липкое вещество или бумажная полоска, обработанная подобной субстанцией’. Т.е. за основу берется образ, прямо противоположный русскому: приманкой становится не вкусный продукт, а смертоносная липучка. Упоминание о насекомых в составе ФЕ отсутствует, хотя связь с ними подразумевается. ФЕ имеет дополнительную коннотацию, связанную с обманом, в результате которого

человек попадает *na lep*. Чаще всего липучка воспринимается как приманка, к которой тянется множество людей. Подтверждением этого служит разнообразие польских ФЕ, построенных по этому же принципу: *(ktoś) idzie na lep czegoś* ‘кто-либо дает соблазнить себя чем-то приятным’, *(ktoś) wziął kogoś na lep czegoś* ‘кто-либо сбил с толку кого-либо с помощью привлекательной приманки’ и т.д.

20. *Из воды творог не выжмешь* // *Z wody séra nie wyciśniesz* (букв. из воды творог не выжмешь) – из чего-либо пустого и бессмысленного невозможно получить толк.

Да и вообще я терпеть не могу болтовни, – я люблю факты... А из воды творог не выжмешь [Сенкевич, 1957: 88] // *A i w ogóle niecierpię gadaniny: ja lubię fakta. Z wody séra nie wyciśniesz* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *из воды творог не выжмешь* калька безэквивалентной польск. ФЕ *z wody séra nie wyciśniesz*.

Лингвокультурологический комментарий

В русском языке поговорка, идентичная оригинальной, отсутствует. Калькирование стало возможным в силу того, что для русского этноса также характерен процесс производства творога, а следовательно, смысл ФЕ будет понятен каждому читателю.

Польская поговорка является окказиональной. Она встречается только в повести Г. Сенкевича «Ганя» («*Hania*»). Ее происхождение основано на бытовых наблюдениях, связанных с производством творога – продукта, получаемого из свернувшегося молока. Противопоставление *молока* как чего-то имеющего ценность и пользу и *воды* как воплощения пустоты и бессмысленности является свойственным славянской лингвокультуре (ср. рус. *обжегшись на молоке, на воду дуть*; пол. *dobra gospodyni z wody mleko szyni*). Этот же принцип действует и в данной поговорке. Никчемность исходного материала демонстрируется в сравнении с *водой*, которая не

позволяет получить *творог* – т.е. что-либо полезное и питательное. Это и формирует семантику поговорки.

21. *Дашь черту палец, а он ухватит всю руку* // *Diabłu nie trzeba podawać palca, bo zaraz całą rękę porwie* (букв. Дьяволу не стоит подавать пальца, потому что сразу всю руку заберет) – малейшая уступка способна полностью поработить человека (особенно применительно к потусторонним силам).

Но я знаю, что дашь черту палец, а он ухватит всю руку [Сенкевич, 1957: 88] // *Ale wiem i to, że dyabłu nie trzeba podawać palca, bo zaraz całą rękę porwie* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *дашь черту палец, а он ухватит всю руку* калька польск. ФЕ *dyabłu nie trzeba podawać palca, bo zaraz całą rękę porwie*.

Лингвокультурологический комментарий

Достаточно сложным представляется вопрос об эквивалентности русской и польской поговорок. С одной стороны, обе единицы состоят из одних и тех же компонентов, имеют сходный смысл, что делает их похожими на частичные эквиваленты, но с другой, в русском языке подобная ФЕ отсутствует. В то же время назвать русское выражение калькой затруднительно из-за существования поговорки *Дай палец – откусят руку* и ее вариантов. Она отличается от представленной отсутствием связи с нечистой силой – речь здесь идет не о черте, а о людях. Исходя из этого, на наш взгляд, уместнее считать перевод польской поговорки на русский язык не калькированием в чистом виде, а интерпретацией уже существующего выражения.

Польская поговорка не входит в активный словарный запас. Несколько чаще функционируют две другие поговорки – *Daj psu palec, zechce tu się ręki* (букв. Дай псу палец, захочет всю руку) и *Gdy dasz diabłu palec, to za całą rękę chwyta* (букв. Когда дашь дьяволу палец, он ухватит всю руку). Нетрудно заметить, что наша поговорка представляет собой контаминацию этих

выражений. Соотнесение *пса* и *черта* отнюдь не случайно: оно является весьма частотным в польской лингвокультуре (см. Dźwigoł, 2014).

Выражение построено на основе представления о том, что жадный до людского тела и души черт вряд ли остановится, если дать ему хоть малейшую уступку, пойти на компромисс. Сопоставление с собакой в данном случае также важно: разъяренный пес действительно способен нанести тяжкие увечья, шаг за шагом кусая человека. В переносном смысле негативные последствия настигнут каждого, кто переступит черту и решит заключить договор с нечистью.

22. *Гол как сокол* – очень беден.

Вы расплатитесь там, а то я гол как сокол, и будьте здоровы [Сенкевич, 1957: 91] // *zapłaćcie tam, bom ja goły, i bądźcie zdrowi* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *гол как сокол* перевод польск. свободного сочетания слов *ja goły*.

Лингвокультурологический комментарий

Русская ФЕ является безэквивалентной. Сокол представлял собой русское стенобитное орудие, представляющее собой бревно, обитое металлом, или же целиком отлитое из чугуна или железа. Поверхность такого орудия была совершенно гладкой, что и было положено в основу ФЕ. Соколами назывались и некоторые металлические инструменты, имевшие цилиндрическую форму. Согласно гипотезе В.М. Мокиенко, название представляет собой кальку французского военного термина *fauson* (досл. ‘сокол’), обозначавшего орудие похожего типа [Мокиенко, 1980: 38]. Э.А. Вартаньян предположил, что сокол в данной ФЕ представляется собой трансформированное сукол, обозначавшее в крестьянской среде «пары тесно сближенных кольев, которые поддерживают частокол, плетень, изгородь» [Вартаньян, 1963: 74]. Осенью такие ограды выглядели одиноко и сиротливо, что могло послужить поводом для сопоставления с обедневшим человеком.

23. *Играть в прятки* // *grać w ślepa babkę* (букв. играть в слепую бабу) – уходить от ответа, прятаться.

...да, мы оба *играем в прятки*, вместо того чтобы поговорить откровенно и искренно, как в былые времена [Сенкевич, 1957: 100] // *oboje gramy z sobą w ślepa babkę, zamiast rozmawiać szczerze i z ufnością, jak za dawnych czasów* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *играть в прятки* фразеологический аналог польск. ФЕ *grać w ślepa babkę*.

Лингвокультурологический комментарий

Игра в прятки является традиционной для русской культуры. Согласно ее правилам, ведущий закрывает глаза, а остальные играющие прячутся. Задача ведущего – найти каждого участника. Попытка перехитрить соратника, сделать так, чтобы он не догадался об истинном нахождении, вошла в основу русской ФЕ и обусловила ее семантику.

Ślepa babka – одно из названий игры в прятки в польском языке. В тексте польская ФЕ имеет то же значение, что и русская. Примечательно, что выражение *ślepa babka* само по себе представляет собой устойчивое наименование игры *ciuciubabka*, т.е. служит отдельной ФЕ. Сенкевич удваивает эту метафоризацию, включая его в существующую модель: в польском языке существуют «игровые» ФЕ *grać w kotka i myszkę* и *grać w ciuciubabkę*. Однако семантика обозначенных выражений несколько иная: они подразумевают сознательное лукавство и обман. Получается, что Сенкевич фактически объединяет структурно-семантические модели русских и польских ФЕ в своем окказиональном выражении.

24. *Любить как собака палку* // *kochać jak psy dziada* (букв. любить, как псы деда) – ненавидеть.

– А очень вы *любите* своего Магомета?

– *Как собака палку* [Сенкевич, 1957: 110]

//

– *A bardzo pan kocha swojego Mahometa?*

– *Jak psy dziada* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *любить как собака палку* фразеологический аналог польск. ФЕ *kochać jak psy dziada*.

Лингвокультурологический комментарий

Смысловая общность обеих ФЕ противопоставлена коренным различиям в плане выражения. Русская ФЕ построена по принципу «от противного»: предполагается, что собака способна получить от палки исключительно побои, а, следовательно, не может относиться к ней положительно. Польская ФЕ является усеченным вариантом поговорки, поэтому раскрыть ее ВФ можно только при обращении к полному варианту – *Kochać jak psy dziada w ciasnej ulicy* (досл. ‘Любить как псы деда в тесной улице’). Подобные способы фразеомообразования встречаются и в русском языке: напр., *чудеса в решете* от *Чудеса в решете – дыр много, а выскочить некуда*. Примечательно, что если в русской ФЕ собака выступает в качестве пострадавшей стороны, то в польской – наоборот (псы способны загрызть человека, встретившегося им на тесной улице, т.е. проявить агрессию по отношению к нему).

25. *Показать нос // pokazać na palcach: zyg, zyg, zyg* (букв. показать на пальцах: зиг, зиг, зиг) – дразнить.

А я обрадовался от всей души и, если б только это подобало, с великим удовольствием показал бы ей нос [Сенкевич, 1957: 120] // *Co do mnie byłem uradowany z całej duszy i gdyby tylko uchodziło, jakżebym chętnie był pokazać Hani na palcach: zyg, zyg, zyg!* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *показать нос* фразеологический аналог польск. ФЕ *pokazać na palcach: zyg, zyg, zyg*.

Лингвокультурологический комментарий

Русская ФЕ построена на основе классического игрового жеста. Приставляя руку к носу, человек дразнит приятеля. Это действие и вошло в ФЕ.

Польская ФЕ также имеет под собой игровую основу. Словоформа *zug-zug* функционирует в разговорном польском языке, имея значение ‘жест, используемый для дразнения детей или доказательства чьей-либо неправоты’. Словосочетание *pokazać na palcach zug-zug* может употребляться и в прямом значении – ‘дразнить кого-либо’, однако в тексте Г. Сенкевича приобретает дополнительный смысл. Примечательно, что эта окказиональная ФЕ также имеет просторечный оттенок.

26. *Разрубить гордиев узел // rozciąć węzła gordyjskiego* (букв. разрезать гордиев узел) – разрешить какие-либо трудности быстро и решительно.

*Главное, что это конец, и если он не распутает, то **разрубит** тот гордиев узел, который давно уже меня связывает и душит* [Сенкевич, 1957: 163] // *A zresztą, niech będzie co chce, myślałem sobie: oto jest koniec i jeśli nie rozwiązanie, to rozcięcie tego węzła gordyjskiego, który krępował mnie i dusił od tak dawna* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *разрубить гордиев узел* фразеологический эквивалент польск. ФЕ *rozciąć węzła gordyjskiego*.

Лингвокультурологический комментарий

Происхождение русской и польской ФЕ связано с древней легендой. Согласно преданию, оракул велел фригийцем избрать царем первого человека с телегой, который встретится им по пути к храму Зевса. В итоге правителем стал простой земледелец Гордий. Он поместил в храм телегу, которая в корне изменила его судьбу, и крепко-накрепко привязал к ней ярмо. Оракул предсказал, что тот, кому удастся распутать этот узел, станет правителем Азии. Сотни желающих возвращались ни с чем, до тех пор, пока один всадник не рассек этот узел мечом. Им был Александр Македонский.

Такой решительный и нестандартный подход к решению проблемы повлек за собой появление ФЕ с указанной семантикой.

27. *Лазаря тянуть* – прикидываться несчастным.

...если бы дети выгнали его из избы, – взял бы он клюку, надел нищенскую сумку, стал бы у придорожного креста или на паперти костела – и *затянул бы лазаря* [Сенкевич, 1957: 391] // *gdyby dzieci wyгнаły go z chałupy, to... kosztur by tu tylko wziąć do ręki, stanąć pod krzyżem na rozdrożu albo przy drzwiach jakiego kościoła i śpiewać: «Boże łaskawy, przyjmij płacz krwawy»* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *лазаря тянуть* перевод польск. лексемы *śpiewać* в сочетании с последующим названием песни.

Лингвокультурологический комментарий

На первый взгляд, русская ФЕ *тянуть лазаря* появилась на основе библейского сюжета. Это оправдано лишь частично. ФЕ появилась на основе конкретной ситуации: при выпрашивании милостыни в царской России часто исполнялась песня, созданная по мотивам известной евангельской притче о Лазаре. Таким образом, эта ФЕ хоть и имеет связь с библейской легендой, но весьма опосредованную. Учитывая, что просители далеко не всегда были столь несчастны, как это преподносили, появившаяся ФЕ получила оттенок пренебрежительности.

В польском языке эквивалент упомянутой ФЕ отсутствует. В русском варианте текста Г. Сенкевича выражение встречается дважды, однако оба раза в оригинале на этом месте воспроизводится одна и та же ситуация: субъект просит милостыню у церкви, исполняя песню. Автор даже включает в текст названия народных песен, которые могли бы быть исполнены у ворот костела (*Boże łaskawy, przyjmij płacz krwawy* и *Święta niebieska, Pani anielska*). Переводчик упростил для русского читателя эти конструкции, включив в текст более понятный ему образ.

28. *Край света* // *kraj świata* (букв. край света) – очень далеко.

Вверху небо, внизу пучина, грозно шумит океан, свистит ветер, и словно плачут волны, а впереди, далеко-далеко, должно быть, – край света [Сенкевич, 1957: 377] // *niebo ku górze, pustynia na dole, szum wielki i niby płakanie fal i poświst wiatru, a tam, przed dziobem statku, chyba dziewiąta ziemia, chyba kraj świata* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *край света* фразеологический эквивалент польск. ФЕ *kraj świata*.

Лингвокультурологический комментарий

Происхождение русской и польской ФЕ связано с древними представлениями об устройстве Земли. Предполагалось, что она представляет собой плоскую поверхность, омываемую океаном. Где заканчивается эта поверхность, неизвестно, а, следовательно, *край земли* должен был находиться очень далеко от говорящего.

29. *Зубы на полку положить* // *krokwie gryźć* (букв. стропила кусать) – голодать.

Да уж зубы на полку не положу. Человек с образованием нигде не пропадет [Сенкевич, 1957: 179] // *Albo to mi krokwie gryźć bez pisarstwa? Człowiek z edukacją da sobie rady* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *зубы на полку положить* фразеологический аналог польск. ФЕ *krokwie gryźć*.

Лингвокультурологический комментарий

Существует 2 основных версии, связанных с происхождением русской ФЕ. Согласно одной из них, речь идет не о человеческих зубах, а о зубьях, которые имеются у многих орудий труда. Если у человека есть работа, значит, он использует эти инструменты, нет – *кладет их на полку* за ненадобностью. Отсутствие работы = бедности = голоду, что и послужило основанием для формирования указанной ФЕ. Другая версия идет вразрез с первой. Она основана на том, что схожие ФЕ имеются и в других славянских

языках, тогда как слово *зубья* применительно к орудиям труда является диалектным. Это подтверждает тот факт, что речь все-таки идет о человеческих *зубах*, которые символизируют чувство голода.

Польская ФЕ *krokwie gryźć* является окказиональной. Использование компонента *krokwie* ('стропила') демонстрирует связь с деревенским бытом. Голод может вынудить человека употреблять в пищу даже несъедобные предметы, т.е. *стропила грызть*. Эта мысль и легла в основу ФЕ.

30. *Сам кашу заварил – сам и расхлебывай* // *Kiejs sobie piwa nawarzył, to go pij* (букв. Наварил себе пива, сам его и пей) – о необходимости отвечать за свои поступки.

– *Сам заварил кашу, сам и расхлебывай!*

– *Тебе не шесть годков, сам должен знать, что делаешь, – прибавил другой.* [Сенкевич, 1957: 110]

//

– *Cóż, kiejs sobie piwa nawarzył, to go pij.*

– *Albo to tobie sześć lat? albo ty nie wiesz co robisz?* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *Сам кашу заварил – сам и расхлебывай* фразеологический аналог польск. ФЕ *Kiejs sobie piwa nawarzył, to go pij*.

Лингвокультурологический комментарий

Смысл обоих выражений идентичен: они символизируют необходимость ответственности за свои поступки. Перенос значения осуществляется по одной схеме: имеется готовый продукт, активно используемый в пищу, и потребителем этого продукта, вне зависимости от его качества, должен быть сам повар. В основе приготовления лежит варка. Ключевое различие заложено собственно в самом наименовании: в русском языке это *каша*, а в польском – *пиво*. Можно предположить, что каждый из этих продуктов входит в число эталонных для каждого из этносов. Это подтверждается активным использованием данных лексем в составе других паремий (рус. *Кашу маслом не испортишь*, *Щи да каша – пища наша*; пол. *Chleb, piwo i*

świeca zdobią szlachcica, досл. ‘Хлеб, пиво и свеча украшают дворянина’; *Od piwa głowa się kiwa*, досл. ‘От пива голова качается’ и др.). Такая расстановка приоритетов отнюдь не случайна: пристрастие к алкогольным напиткам является яркой чертой польского этноса. Этот факт подтверждается, в частности, культурологом Е. Липняцкой [Липняцкая].

31. *Молоко на губах не обсохло* – быть слишком молодым, чтобы разбираться в чем-либо // *koszulę w zębach nosić* (букв. рубашку в зубах носить) – «być małym dzieckiem» ~ вести себя, как ребенок.

В ту пору и я еще был желторотым, да и у пана полковника, упокой господи душу его, еще молоко на губах не обсохло [Сенкевич, 1957: 50] // *Ta, byłem jeszcze gołowąsem, a i pan pułkownik, Panie świeć nad jego duszą, jeszcze koszulę w zębach nosił* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *молоко на губах не обсохло* фразеологический аналог польск. ФЕ *koszulę w zębach nosić*.

Лингвокультурологический комментарий

Русская ФЕ *молоко на губах не обсохло* появилась на основе наблюдения за маленькими детьми. У грудного ребенка, питающегося молоком матери, на губах действительно могут оставаться белые следы. Человек в таком возрасте не способен объективно осознавать окружающие реалии и отвечать за свои поступки, что и породило ФЕ с подобной ВФ.

Значение обеих ФЕ имеет немало общего, однако различается оттенками: русский аналог имеет отрицательную коннотацию, в отличие от польского, где проводится сопоставление с типом поведения человека в разном возрасте. Образная составляющая польской ФЕ тесно связана с другим русским выражением – *в сорочке родиться* ‘быть удачливым’. В основе обеих ФЕ лежит общий мотивировочный признак, связанным с народным поверьем. *Рубашкой/сорочкой* называли «оболочку на голове или теле новорожденного младенца» [Алефиренко, Золотых, 2008: 356]. Эту пленку считали талисманом и хранили на протяжении всей жизни. Нередко

ее брали с собой в военные походы, а повитухи даже продавали такие оболочки богатым людям.

Примечательно, что ФЕ с таким же смыслов существуют не только в славянских, но и в европейских лингвокультурах. Так, во французском и немецком языках функционируют аналогичные по смыслу ФЕ, однако *рубашку* здесь заменяет *чепчик* или иной головной убор. Такая метафоризация вполне логична: пленка у новорожденного находится на голове и вполне может ассоциироваться с головным убором. Славянское лингвокреативное мышление переносит значение по более сложным признакам. Однако интересно заметить, что в польском языке успешно функционирует не только уже упомянутая ФЕ *koszulę w zębach nosić*, но и другая – *w czepku się urodzić się* (досл. ‘в чепчике родиться’). Она является МФЭ немецкой и французской ФЕ. Это демонстрирует особое положение польской лингвокультуры, вбирающей в себя славянские и европейские элементы.

32. ***Hetka pętelka*** (букв. кляча-петелька) – пустой человек.

*Еще недавно каждый <...> считал pana Кленя человеком пустым, – теперь люди перед ним будут шапку снимать [Сенкевич, 1957: 510] // Niedawno jeszcze pierwszy lepszy Maciek w Zagrabiu lub w Ponikle, byle siedział na kilku morgach, miał pana Klenia za **hetkę pętelkę** — teraz będą mu ludzie czapkowali [Sienkiewicz].*

Метафора рус. *пустой человек* перевод польск. ФЕ ***hetka pętelka***.

Лингвокультурологический комментарий

В современном польском языке ФЕ пишется через дефис, однако во времена Г. Сенкевича использовалось отдельное написание, которое и встречается в его текстах. Дословный перевод ФЕ – ‘кляча-петелька’. Слово *hetka* приобрело переносное значение достаточно рано: еще несколько столетий назад так нередко называли незначительного, бедного человека. Со временем к нему прибавилось *petelka*. Возможно, это произошло из-за

рифмы, однако более вероятно, что причиной стала специфика литовских войск: золотая или серебряная петля служила знаком отличия. Воин-простолудин имел плохую лошадь (*hetku*), а следовательно, носил наименее престижную петлю.

33. **Бедный, как церковная мышь** // *ubogi, jak mysz kościelna* (букв. бедный, как мышь в костеле) – очень бедный.

Только когда товарищи его разбрались кто куда или перемерли, он возвратился в Загравье, исхудалый и бедный, как церковная мышь [Сенкевич, 1957: 511] // *dopiero, gdy towarzysze rozproszyli się albo pomarli, wrócił do Zagrabia, ubogi, jak mysz kościelna* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. **бедный, как церковная мышь** фразеологический эквивалент польск. ФЕ *ubogi, jak mysz kościelna*.

Лингвокультурологический комментарий

Настоящая ФЕ свойственная не только русским и польским языкам, но и многим другим. Она перекликается с ФЕ на библейскую тематику, ведь тесно связана с церковными реалиями. За основу взяты конкретные знания народа о жизни в церкви/костеле: отсутствие продуктовых погребов вынуждает мышей голодать в здании храма. Следовательно, человек, находящийся в затруднительном материальном положении, во многом похож на несчастную голодную мышь.

34. **На авось** – употребляется с расчетом на счастливый исход события, не зависящий от субъекта действия // *tam Pan Bóg u mnie trochę koprowiny* (букв. там господь Бог и мне даст немного денег) – говорится в надежде на помощь высших сил.

Подкопил я малость медяков, хоть и не больно много, да авось хватит [Сенкевич, 1957: 182] // *Ma tam Pan Bóg u mnie trochę koprowiny, nie wiela tego jest, ale może i wstrzyma* [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *на авось* перевод польск. ФЕ *tam Pan Bóg i mnie trochę koprowiny*.

Лингвокультурологический комментарий

Авось – компонент, входящий во многие русские ФЕ. Он свойственен именно для русского языка. Лексема восходит к словосочетанию *a vo se*, функционировавшему в деловой письменности XVI-XVIII вв. и означавшему буквально *a вот*. Со временем значение стало трансформироваться, словосочетание стало употребляться в качестве вводного слова.

На формирование ФЕ повлияла шутливая ассоциация с мужским именем. *Авось* перешел в *Авося*, который в народной речи стал символизировать некое языческое существо, олицетворяющее удачу и везение. Со временем слово прочно закрепилось в ФЕ.

Польское выражение является окказиональным. Г. Сенкевич выстраивает его по типу поговорки, благодаря чему в сознании читателя оно воспринимается как продукт народной мысли. В качестве ключевого компонента используется малоупотребительная лексема *koprowina*, являющаяся устаревшим наименованием медной монеты. Само выражение построено на основе христианских представлений о Боге как дарителе и помощнике.

35. *Китайская грамота* // *chiński język* (букв. китайский язык) – что-то трудное и непонятное.

...была маленькой девочкой, не знавшей, что такое мир божий, и которой в голову бы не пришло говорить о чувствах, потому что любой подобный разговор был для нее китайской грамотой... [Сенкевич, 1957: 99]
// Ta przed pół rokiem mała, o Bożym świecie nie wiedząca dziewczynka, której na myśl-by nie przyszło mówić o uczuciach i dla której podobna rozmowa byłaby chińskim językiem... [Sienkiewicz].

ФЕ рус. *китайская грамота* фразеологический эквивалент польск. ФЕ *chiński język*.

Лингвокультурологический комментарий

Русская и польская ФЕ составлены по одной схеме. Долгое время Китай оставался для жителей Европы чем-то загадочным и неизведанным. Когда первые славянские тексты попали в руки к славянам, они выставили их на смех. Причина проста: иероглифы казались «читателям» мазней и насмешкой китайцев. Исходя из этого, *китайской грамотой* или *языком* стал именоваться любой несуразный текст, понять который невозможно.

В современном польском языке ФЕ *chiński język* практически не употребляется. Это может свидетельствовать о том, что в XIX веке он функционировал под влиянием русского языка, где был и остается более востребованным. С утратой русскоязычного воздействия начали уходить в пассивный запас и лексемы подобного типа. Другая причина может скрываться в том, что со временем китайский язык перестал быть чем-то трудным и непонятным, а следовательно, смысл ВФ утратился.